

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО
**ЭФФЕКТ
ПРЕЛОМЛЕНИЯ**

Эффект...

Диана Удовиченко

Эффект преломления

«Автор»

2013

Удовиченко Д. Д.

Эффект преломления / Д. Д. Удовиченко — «Автор»,
2013 — (Эффект...)

Во Владивостоке снова погибают люди. Убийца пришел вместе с сезоном дождей. Он прячется в ночи, оставляя за собой след из выпотрошенных трупов. Все чаще над городом кружит огромный монстр. Разобраться с нежитью по силам только чистильщику... Она жила в XVI веке, она была прекрасна и благородна, поэты и художники преклонялись перед ее красотой. А сегодня ее называют самой кровавой убийцей в истории человечества, описания ее деяний занесены в книгу рекордов Гиннеса. Вампиры не умеют смеяться, зато умеют шутить. У них своеобразное чувство юмора, и они вполне способны превратить целый город в арену цирка уродов. Безумное шоу, кровавые иллюзии, черный юмор – скучать не придется! Вам кажется, что загадка разгадана? Не спешите. Предсказать финал невозможно.

© Удовиченко Д. Д., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Диана Удовиченко

Эффект преломления

Пролог

Владивосток, май 2012 года

В темноте кто-то был. Ворочался невидимой тушей. Маринка чувствовала это – с того самого момента, как они дошли до конца недлинного прямого тоннеля и, не найдя ни ответвлений, ни комнат, повернули назад.

Вроде бы она не увидела ничего подозрительного. Никто не появился из мрака, не колыхнулась завеса темноты. И, хоть Маринка напрягала слух – не уловила ни эха от чужих шагов, ни дыхания за спиной. Не случилось ничего такого, но вдруг стало страшно. Очень страшно. По позвоночнику словно пробежала струйка ледяной воды, заставляя содрогаться, натягивая до предела нервы. Кожа покрылась мелкими пупырышками, горло перехватила судорога. «Уходи отсюда!» – вопила интуиция, предчувствие или чему там положено вопить в таких случаях?

– Пошли отсюда, – в который раз уже повторила Маринка за интуицией, и сама поразилась тому, как охрип вдруг ее голос. – Быстрее, Санечка, пожалуйста...

– Да идем же, идем, – успокаивающе проговорил Саня. – Ты чего, Марин? Прекрати истерить.

Он понять не мог, почему вдруг подружка перетрусилась. Ничего же не произошло. Да и что могло произойти в этом скучном подземелье? Ровное, прямое, без всяких боковых коридоров, помещений или лестниц, оно тянулось в сопке всего-то метров пятьдесят и заканчивалось тупиком. Зря только полезли, думал Саня, осматривая каменную стену, которая тоже не представляла собой ничего интересного. Шероховатая, осклизлая от сырости – обычная.

Тогда Маринка вдруг и перепугалась. Чуть не плакала, просила поскорее вернуться. Он хотел было пошутить, заорать: «Не могу! Меня кто-то за задницу схватил!» – но в голосе девушки было столько искреннего страха, что Саня передумал. Молча двинулся обратно, и ее за руку повел.

Синеватое пятно света от фонарика нервно дергалось, выдавая дрожь Маринкиных пальцев. Пахло погребом и картошкой – плесенью... Где-то размеренно капала вода, звонко ударяясь о камень.

– Быстрее, Санечка, быстрее... – молила девчонка.

Саня торопился, как мог. Не хотелось расстраивать без того перепуганную подругу.

До выхода оставалось каких-то пять метров, виден уже был квадрат тусклого света, ложившийся на стену, слышался с улицы шум дождя и отдаленный гул автомобильных моторов.

– Ну вот, дошли, – сказал Саня.

– Поздно...

Голос Маринки был неживым. Девушка прижалась спиной к сырой стене, глядя куда-то в темноту.

– Что еще...

И тут Саню накрыла волна ужаса. Темнота взволновалась, изрыгнула чернильную тень, которая метнулась к людям, обретая под лучом фонарика уродливое, невозможное лицо.

Последнее, что услышал Саня – отчаянный визг Маринки...

Глава 1

Владивосток, май 2012 года

Коридор был длинным и темным, как кишка, да еще изгибался то вправо, то влево, отчего сходство только усиливалось. Из приоткрытых дверей некоторых комнат на пол ложились полосы бледного света. Но этого не хватало, пришлось включить фонарь.

Я заглядывал во все двери по очереди, осматривал помещения, похожие то ли на подвалы, то ли на пещеры. Луч фонаря выхватывал из темноты дикие, отвратительные картины. В первой комнате извивались в странном танце полуобнаженные существа. Тощие тела, белые лица, сияющие глаза с вертикальными зрачками, кроваво-красные губы... На пляску из угла завороченно смотрел пожилой мужик. Руки его были связаны за спиной.

За следующей дверью бледномордые твари, затянутые в черную кожу, хохоча, избивали плетью молоденькую девушку. Та отчаянно кричала, металась по комнате, чем лишь усиливала всеобщее веселье. Пахло кровью, дорогими духами и зверинцем. Один наблюдательный упырь метнулся на луч света от моего фонаря. Я с силой захлопнул дверь, искренне надеясь, что успел разбить уродливую харю.

Еще одна комната. Бесформенный клубок тел – твари сплелись не хуже змей во время спячки. Медленно шевелились бледные руки, ноги. По подбородкам текла кровь – существа кусали друг друга, постанывая от удовольствия. Увидев меня, лениво зашипели, но не разомкнули объятий.

Наконец после десятка помещений, из которых ко мне бросались, прядали, визжали и тянули когтистые пальцы белокожие окровавленные уродцы, я нашел нужную комнату.

Здесь было тихо. Из распахнутого окна вслед за шорохом дождя вползала сырая прохлада. Единственный крошечный светильник давал ровно столько света, чтобы видны были очертания гроба, стоявшего на столе посреди комнаты.

Я подошел ближе, заглянул в богато декорированную домовину – там лежал молодой парень. Бледное лицо, обрамленное траурной рамкой черных волос, из-под красных, словно окровавленных губ, выглядывали длинные клыки. Руки чопорно сложены на груди, каждый палец заканчивался темным саблеобразным когтем. Со стороны могло показаться, что парень мертв, но если присмотреться, становилось видно, как старинный камзол на груди вздымается в такт медленному дыханию. Из гроба наружу свешивался краешек черного с алым подбоем плаща.

Тихо ступая, я подкрался к стене, нащупал выключатель и нажал кнопку. Комнату залил яркий холодный свет.

– Вставай, упырина!

От неожиданности Дракула подскочил, тут же зажмурился от яркого света и едва не вывалился из гроба.

– Фа-фа-фа, – пробормотал он, выпутываясь из плаща. – Фы фаф фюфа фофол?

– Плюнь каку, – задушевно посоветовал я. – Подавишься.

Мальчишка вытащил вставные челюсти с длинными клыками и уже нормально произнес:

– Ты как сюда прошел? Если начальство увидит – меня уволят на фиг!

– У меня клубная карта, забыл? Я в вашем гадюшнике VIP-клиентом числюсь. И потом, я плачу тебе не меньше, чем клуб. А за что? Соберись, Влад, проснись уже! Разговор есть.

– Только перерыв между двумя шоу выпал, – привычно заныл Дракула, скребя когтем в затылке, – хотел отдохнуть, а ты...

Под лампами дневного света стали видны синяки на его физиономии, которые не мог скрыть даже толстый слой грима. Я вынул из бумажника сто долларов, протянул ему:

– Теперь лучше? Ты почему на связь вовремя не вышел? Что у вас тут стряслось-то?

– Откуда узнал?

– Так вся сеть гудит.

– Значит, слил кто-то из наших, – вздохнул упырь.

Влад Цепеш, он же Маленький Дракула, он же Владик Семенюта в миру, был звездой стриптиз-клуба «SWB» (что расшифровывается как «sweet blood»). Корча упыря перед богатыми дурами, зарабатывал на учебу в Кембридже. Владик мечтал получить профессию детского психолога. По той же причине он согласился стать моим осведомителем.

Я регулярно мониторил «SWB» – там, где столько людей играет в вампиров, рано или поздно появятся и настоящие проклятые. Мне казалось, им здесь будет комфортно.

– Так что случилось? В полиции на вас ничего нет.

Влад достал из кармана шоколадный батончик, вгрызся в него, смазывая алую помаду. Ответил с набитым ртом:

– С полицией замяли. Да ничего особенного. У одной тетki крыша съехала. Постоянная клиентка. Заказала коньяк и садо-мазо с Артурчиком, все как всегда. А потом взяла и пацана искусила.

– Коньяка-то много приняла? – хмыкнул я.

– Достаточно, – кивнул Влад. – Ну и вот. Пока заметили, пока добежали, она его до мяса догрызла. Спасибо, до шеи не добралась.

– А он не сопротивлялся, что ли?

– Почему? Сопротивлялся, плеткой отбивался. Но баба как озверела. Психи, они же сильные. Мы ее втроем еле оторвали от Артурчика. Так она еще потом мне и двум охранникам морды набила и в окно сиганула.

– Разбилась?

– Да шас. Такие не разбиваются. Бегала вокруг дома, пока ее мужу не позвонили. Тот прислал людей, они за все расплатились, а тетку забрали. Говорят, в дурку заперли.

– Так почему не сообщил вовремя?

– Сотрясение у меня было, – затуманился псевдовампир. – Она ж как шибанула... Дома отлеживался. Сегодня вот еле выполз на работу.

– Лады, – я хлопнул парня по обтянутому шелком плечу. – Пойду. А ты завязывал бы с этой упырятиной, а то и тебя кто-нибудь сожрет.

– Не сожрет, я теперь осторожнее буду, – беспечно ответил Влад. – Ты ж в курсе: мне деньги нужны.

Бесполезно с такими спорить. Я махнул рукой:

– Как знаешь. Только не теряйся больше, а то уволю.

Я распахнул дверь, но не успел и шага сделать, как на пороге возник голый по пояс, пузатый мужик лет сорока. Окинув нас безумным взглядом выпученных глаз, он икнул. По подбородку потекла слюна. Из коридора послышался топот и крики охраны. Не тратя времени на разговоры, мужик завыл, широко растопырил руки и бросился на меня. Я ответил прямым ударом в челюсть.

Псих остановился, помотал башкой, снова двинулся вперед, размахивая кулаками. Уклонившись от его неуклюжих выпадов, я ударил еще. Два апперкота опрокинули дядьку на пол.

– Упорный, – процедил я, рассматривая здоровяка, который силился встать и чем-то напоминал бегемота. – Весело тут у вас...

– А чего ты хочешь, – философски заметил Владик. – Тут элита гуляет, они через одного обдолбанные или нанюханные. Ну и антураж располагает...

Перешагнув через мужика, я вышел. Миновал встревоженных охранников, спустился по широкой лестнице в зал. Пахнущую травой полутьму прорезали лазерные всполохи. В клетках под потолком плясали бледные девки в прозрачных саванах на голое тело, посреди зала на

столе извивалась красивая мулатка с питоном, весьма убедительно копируя Сальму Хайек из фильма «От заката до рассвета».

Я немного полюбовался на мулатку, потом поднял воротник плаща и вышел под дождь. Значит, в «SWB» ничего особенного не произошло... Это хорошо, но почему же меня с самого утра наполняет странная уверенность: сегодня должно что-то случиться? Хорошо было бы ошибаться, но я привык доверять интуиции.

Верный черный паджерик ждал у входа. Усевшись, я сунул ключ в замок зажигания, и тут айфон в кармане разразился мелодией «System of a down».

– Ты где ходишь? – сердито спросила Маша. – Звоню-звоню...

Отняв трубку от уха, я бросил взгляд на экран. Пять пропущенных вызовов.

– Извини, Машунь. В клубе был, там шумно...

В голосе помощницы слышались ядовитые нотки:

– Хорошо быть частным детективом! Пока ты по клубам шляешься, офис знойные красотищи осаждают.

– Ты на часы смотрела? – возмутился я.

Девять вечера, конечно, самое время для знойных красоток, но не в офисе...

– В шесть отправила дамочку домой. С трудом выпроводила. Но она обещала вернуться.

– А чего хотела?

– Не знаю. Сказала, будет говорить только с тобой.

Я вздохнул:

– Спасибо, Маш. Завтра разберусь.

Я сразу понял, о какой дамочке говорила помощница. Для чего еще существуют частные детективы, как не для решения проблем заказчиков? Только вот я не совсем обычный сыщик, и гости мне только мешали. Поэтому я в объявлениях об услугах всегда ограничивался номером мобильного. Но девица так рыдала в трубку, так умоляла о помощи, что я подумал: может, это мой случай? И назвал адрес офиса. Правда, это было неделю назад. Объявилась же она только сегодня. Значит, скорее всего, ничего серьезного.

Нет, не по поводу дамочки сегодня бунтовал мой внутренний голос.

Дождь барабанил по лобовому стеклу. Я включил дворники. Пора домой. Собаки голодные, да и я не лучше. Может, обойдется...

Айфон вякнул, извещая об СМС. Со знакомого номера пришло пустое сообщение. Это значило, надо срочно проверить почту.

Я вышел в интернет, открыл ящик, увидел новое письмо осведомителя из полиции.

Не обошлось...

«В подzemелье на улице Гоголя найдены два трупа – мужской и женский...

По предварительным оценкам экспертов, тела принадлежат молодым людям в возрасте от шестнадцати до девятнадцати лет...

Смерть наступила около двух суток назад...

Ткнув в прикрепленный файл, я открыл фото. В двух выпотрошенных телах трудно было узнать парня с девчонкой. Кто-то вскрыл им брюшины, перегрыз глотки, вырвал сердца. И я мог поклясться: это сделал не человек.

Первое правило чистильщика: проклятые всегда рядом.

Из истории рода Батори

Замок Эчед, июнь 1569 года от Рождества Христова

– Илона, куда ветер летит? – девятилетней Эржебете не стоялось спокойно. Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу, пока няня застегивала на ней платье. – Куда он летит, Илона?

– Куда богу будет угодно, барышня, – чопорно поджимая губы, ответила полная розовощекая служанка.

– Нет! – девочка тряхнула головой, длинная черная коса подпрыгнула на плече. – Ты раньше не так говорила! Скажи!

– Ох, барышня, сказки все это, – вздохнула няня. – Поди, узнает про них матушка ваша, выпорот бедную Илону.

– Не узнает! Я никому не скажу! – Эржебета обняла женщину за шею, – Говори, говори, Илонушка!

Няня рассмеялась: ну, как ей отказать? Эржебета была любимицей всей семьи и двора. Мать радовалась ее красоте: белая как молоко, нежная как шелк кожа, румянец на щеках что твоя утренняя заря, большие изумрудно-зеленые глаза, черные блестящие волосы. Отец гордился умом дочки – к девяти годам она уже бегло читала, писала и помогала вести счет в хозяйстве. Сестры восхищались смелостью и ловкостью – Эржебета ездила верхом и фехтовала не хуже любого юноши. Ну, а слугам была по сердцу веселость и ласковость малышки.

«Счастливый будет господин, которому достанется такое сокровище», – подумала Илона, а вслух произнесла:

– Хорошо, птичка моя, как прикажете, – чмокнула ручку девочки, заговорила нараспев: – ветер летит к своей любимой, волшебнице Делибаб. Каждый полдень встречаются они под старыми дубами в лесу Мнеллики...

– А кто им мешает? Расскажи, Илона! – Эржебета с замиранием ждала старую, наизусть выученную, но все равно любимую историю.

– Им мешает страшный демон Ердэг. Он хочет украсть прекрасную Делибаб. И когда подбирается демон близко, гневается ветер, приносит черные тучи, рвет деревья, обращается в ураган...

– А что еще Ердэг делает?

– Он крадет детей с чистыми душами, – таинственно прошептала Илона, – И заменяет их лидерками¹, в которых вкладывает кусочек своей черной души.

– Для чего ж ему дети?

– Он их ест, – няня поднялась с колен. – Идемте в сад, барышня.

– Не хочу! – Эржебета капризно топнула ножкой, обутой в козловый башмачок. – Там скучно. Почему нельзя на Винаре по полям кататься?

Ее манили просторы Прикарпатья, а крошечный садик, выращенный в стенах замка меж двумя донжонами, был скучным, изученным до последнего листика.

– Батюшка с матушкой не велели, – пояснила Илона. – Вот вернутся они из Эрдёда, тогда и поедете с батюшкой на прогулку или там охоту. А сейчас никак не получится. Непокойно, говорят, в деревнях-то...

Эржебета вздохнула: матушку послушаться нельзя, она строгая. А вернутся еще не скоро... И зачем, спрашивается, дался им замок Эрдёд?

Каждое лето в Эрдёд со всей Венгрии съезжались знатные евангелисты – родственники, друзья, знакомые четы Батори. Бывал там веселый дядюшка Иштван – придворный интриган, помощник Габсбургов, и прекрасная Клара Батори – дочь Андраша, короля Трансильвании, и говорили, даже приезжал однажды сам Штефан Батори – король Польши, которому матушка Эржебеты приходилась родной сестрой. И целыми днями гремели в замке веселые празднества, не смолкала музыка, носились туда-сюда слуги, таская блюда со снедью, и вино лилось рекою. А лунными ночами, когда спадала жара, открывались ворота старинного замка, и вылетала из него кавалькада всадников с факелами, и неслась, не разбирая дороги – по лугам, по крестьянским полям, по виноградникам – к лесу, на охоту...

¹ Лидерки – вампироподобные существа в венгерской мифологии.

Эржебете тоже хотелось увидеть Эржд, посидеть за столом с именитыми гостями, промчаться по полю на Винаре. Но как назло ко времени отъезда она почувствовала недомогание – видно, простыла на последней верховой прогулке. Потому вышло, что с родителями уехали брат Иштван да младшие сестренки – Жофия и Клара. Эржебета же осталась в компании Каталины с Агатой – старших дочерей матушки от первого брака. Сестры, взрослые уже девицы шестнадцати и пятнадцати лет, обе были помолвлены и ожидали свадеб. Родители рассудили, что негоже просватанным невестам гулять на праздниках, и оставили девушек в Эчеде.

Эржебета вслед за няней вышла из своих покоев, двинулась вниз по крутым ступеням, вдоль стен из серого камня.

Стар был замок Эчед, построенный еще при Карле Великом. Громада крепостных стен диким серым цветком вырастала из Карпатских скал, тянулась к небу тяжелыми лепестками башен. Осенью и весной здесь гуляли сквозняки, зимою завывал ветер, а летом солнце нагревало камень, превращая замок в пекло. Эчед населяли многочисленные призраки – бродили по ночам духи предков, которые умерли или были убиты в этих стенах, оглашали залы тихими стенами...

Эржебета любила Эчед – родовое гнездо семьи, а привидений не боялась. И то сказать, они ни разу не тревожили сон девочки. Зато как весело было бегать по узким коридорам, слушая, как мечется под сводами ее собственный смех, отраженный от камня!

В саду уже чинно прогуливались Агата с Каталиной, нарядные, в шелковых одеждах – белоснежные рубахи с пышными рукавами, корсажи платьев расшиты золотым галуном, на подолах – узор из чудесных цветов и сказочных птиц. Эржебета удрученно взглянула на свое платье из зеленого сукна. Ничего, зато в нем бегать и играть удобно.

Послеполуденное солнце было жарким, из-за стен доносился шум голосов. Илона присела на каменную скамеечку у стены, задремала. Сестры о чем-то шептались, хихикали – наверное, женихов обсуждали. Эржебете было скучно. Она остановилась возле хилого деревца, принялась тайком ошипывать листья.

Шум делался все громче, ближе, злее. Вскоре рев десятков луженых глоток зазвучал под самыми стенами Эчеда.

– Беда! Беда! – раздался задыхающийся женский голос.

– Что случилось? – Илона всполохнулась, завертела головой. – Что это?

– Беда! – в садик вбежала Тимия, служанка Агаты. Остановилась на мгновение, перевела дух. – Беда! Люди в деревне взбунтовались, сюда идут!

Илона прижала к себе перепуганную Эржебету:

– Не бойтесь, птичка моя, они ворота не откроют...

– Открыли уж, – заплакала Тимия, – какой-то Иуда впустил бунтарей...

Илона с неожиданной легкостью подскочила, схватила Эржебету за руку:

– Бежим, птичка моя! – потащила девочку к лестнице, что вела вниз, на последние ярусы, а потом к замковым подвалам. – Тимия, шевелись!

Служанка последовала ее примеру, затормошила Агату с Каталиной, которые онемели от ужаса:

– Скорей, барышни! А то не сносить нам голов!

Злобный ропот приближался, распадался на крики боли, натужное хэканье мечников, женский плач: бунтовщики дрались с охраной и расправлялись со слугами.

Девушки наконец пришли в себя, выбрали юбки и побежали за Тимией.

Впятером летели они вниз по крутым ступеням, не останавливаясь, вбежали в арку, ведущую на последний ярус. Голоса крестьян отдалились, потом затихли, но женщины не остановились даже передохнуть.

– Быстрее! – говорила Илона.

Спустились в богатые погреба, побежали мимо мешков с овощами, копченых окороков, подвешенных под потолком, бочек с винами, потом снова спускались по скользким винтовым лестницам...

– Быстрее, барышни!

Они оказались еще ниже, в подвалах. Издали снова слышались вопли бунтовщиков, заметались эхом под сводами подземелья. Илона обессиленно прислонилась к стене.

– Бежим, няня! – звала Эржебета.

– Здесь, – с трудом выдохнула женщина. Налегла грудью на камень, сдвинула его, открыв узкую щель, из которой потянуло могильным холодом. – Выход к лесу... Здесь...

Эржебета первой вошла в тоннель, двинулась в полной темноте на ощупь, хватаясь за склизкие стены. Брела медленно, радуясь тому, что не найдут во мраке. За спиной слышалось тяжелое дыхание служанок и плач сестер. Впереди забрезжил свет.

Подземный ход оказался коротким, вскоре беглянки выбрались из пещеры на склоне горы.

– В лес! – сказала Илона.

«Спасены, спасены!» – колотилось сердце.

Она неслась так, что ноги в удобных башмачках почти не касались земли. Первой добралась до опушки леса, схоронилась за стволом толстого дуба, выглянула, мысленно поторапливая сестер и служанок. Те уже подбегали к лесу, как вдруг...

– Вон они! Лови господских сук!

Из пещеры выбрались крестьяне. Один... два... десять... и еще... и еще... Эржебета с ужасом смотрела на уродливые грязные лица, беззубые рты, раззявленные в крике, покрытые темными пятнами пота рубахи, топоры и вилы в огромных натруженных руках...

Увидев барышень, чернь зашлась яростным ором:

– Бей сук!

Злобный вопль хлыстом ударил по сердцу. Эржебета нырнула за дерево, прижалась лицом к шершавой коре, затаила дыхание, как будто это могло сделать ее невидимой.

– Скорее, птичка моя! Не уйти нам...

Эржебета вздрогнула: не заметила, как Илона подбежала, остановилась за спиной.

– Лезь! – служанка подхватила девочку подмышки, посадила на дерево.

– А ты, Илона?

– Лезь! Сиди молча! Не смотри! – лихорадочным шепотом наставляла няня. – Молись, молись, птичка моя...

Эржебета ловко, как белка, вскарабкалась по стволу дуба, зацепилась за толстую нижнюю ветку, подтянулась, уселась верхом. Проследив за нею взглядом, Илона вышла обратно, на опушку – туда, где мужики, обезумевшие от неповиновения и крови, окружали старших барышень.

Отдышавшись мгновение, Эржебета дотянулась до следующей ветки и полезла выше, выше. Вскоре она скрылась в густой кроне, зелень платья слилась с листвой, надежно укрывая девочку от враждебных взглядов.

Эржебета уселась в развилке ветвей, руками и ногами обхватила ствол, и только тогда взглянула вниз.

Не зря, не зря Илона запрещала ей смотреть...

Каталину с Агатой окружила толпа крестьян. Сестры едва стояли на ногах от ужаса, прижались друг к другу, трепетали – два хрупких цветка в клубке червей. Верные Илона и Тимия своими телами загораживали барышень от озверевших рабов, да только разве то была защита?..

Кольцо сжималось все плотнее, со всех сторон раздавался злой ропот, грязные лица кривились гримасами жадности, ненависти, похоти...

– Стойте, стойте! – крикнула Илона, – Колош, Михал, куда напираете? Николау, тебе говорю, охолони! Или плетей давно не пробовали? Вернутся господа – торчать вашим головам на стене! Остановитесь, пока не поздно!

– Нашим головам и так уж не поздоровится! – захохотал огромный детина, поигрывая топором. – Семь бед, один ответ, а напоследок погуляем! Дави их, ребята!

– Не тронь барышень, Петру! Они вам ничего не сделали!

– Барское семя, гнилое, – осклабился мужик. – А ты умолкни уже!

Коротко замахнувшись, он опустил топор на голову Илоны, раскроил череп пополам. Уперся ногой в живот женщины, дернул на себя, выпрастывая лезвие. Серые и красные капли разлетелись веером, упали на лицо Агаты. За спинами девушек зверино завывала Тимия, когда в живот ее вонзились вилы.

– Издохни, ведьма! За сладкий кусок барам продалась...

– А мы сейчас попробуем, как сладок господский кусок! – сально ухмыльнулся Петру.

Он протянул огромную ручищу, дернул с волос Каталины расшитую жемчугами парту².

– Дави господское семя!

Эржебета не могла не смотреть. Впилась когтями в кору, закусил губы до боли, чтобы не закричать, не броситься с кулаками на мерзких тварей. Злоба затопила душу. Как они смеют? Как смеют поднимать руку на Батори?

Кто-то выдернул рубиновые серьги из ушей Агаты, разорвав мочки. По шее девушки заструилась кровь. Вид ее и запах словно выпустил наружу все звериное, что бурлило в людях.

Несчастных повалили на землю. Рвали в клочья шелковые платья, добираясь до белых нежных тел. Жалобно кричала Агата, билась в жадных руках. К сестре ее судьба была милосерднее: девушка лишилась чувств. Петру кричал, упав на колени возле бездыханной барышни:

– Я, я первый буду...

Упал, придавил собою распростертое тело, дергался, хрипел, роняя с губ пену на бледное лицо...

Эржебета мысленно умоляла родителей прийти, спасти. Но они не слышали, и в душе поднималась злоба на них... Почему бросили дочерей? Сладко ли пьется вам, весело ли пляшется, когда подлый скот терзает плоть вашу?..

Долго зверствовали бунтовщики. Пытали полуживых девушек, вымещая на беззащитных свою ненависть к жестоким господам. Эржебета смотрела. Запоминала. Навсегда. На всю жизнь...

А потом, когда горизонт налился кровью, свистнули веревки, захлестывая нижние ветви дерева, на котором сидела Эржебета. Крестьяне подняли изломанные, безвольные тела, накинули петли на тонкие шеи...

Ногти впились в кору так, что из-под них сочилась кровь. Ее вкус ощущался во рту – зубы прорвали губу. Эржебета смотрела. Слышала предсмертный хрип сестер, ощущала, как дергаются они в последних судорогах. Чувствовала запах их испражнений.

Крестьяне ушли. А Эржебета все сидела, затаившись, на дереве, не смея пошевелиться.

Ночь упала на землю, выкатила на небо бледный диск полной луны. Ветер гулял по лесу, ерошил волосы Эржебеты, скрипел ветвями, играл, раскачивал повешенных.

Затрещали кусты – уходили олени, напуганные запахом смерти. Барсук высунулся из норы под корнями дуба, повел любопытным носом, тревожно понюхал воздух, поспешно нырнул обратно.

Выбрался из леса волк, за ним другой, третий – целая стая. Кружили возле дуба, пытались подобраться к покойницам. Жалобно поскуливали, становились на задние лапы. Один, самый

² Парта – головной убор, подобие кокошника, который носили венгерские незамужние девушки. У дворянок шилась из дорогих тканей, отделывалась золотом, драгоценными камнями.

крупный, напряжился, взметнул поджарое тело в прыжке, вцепился зубами в ногу Агаты и повис, мотая башкой. Упал на землю с добычей – куском плоти. Но больше, сколько ни скакали звери, не сумели достать человечины. Разочарованно поскуливая, растаяли в сумерках.

Эржебета молилась, как учила матушка. Только вот слова растворялись в усталости и безумии, которые волнами накатывали на разум. Но она старалась, повторяла молитву снова и снова, не понимая смысла...

Захлопали крылья – к дереву слетались вороны, по-хозяйски рассаживались на ветвях, на головах и плечах мертвых. Одна примерилась, клюнула глаз Каталины. Другая подкралась к Эржебете, ударила клювом по голове, выщипнула кусок кожи. Девочка отмахнулась, чувствуя, что по шее потекла теплая струйка. Птица лениво перелетела от строптивой добычи на другую ветку.

Эржебета молилась. Слова терялись, путались, превращались в чужие, незнакомые.

Отче наш, иже еси на небеси...

...Бог Иштен, и три сына божьи – Иштен-дерево, Иштен-трава, Иштен-птица, и ты, могучая богиня Мнеллики, родной землей заклинаю вас, кровью заклинаю: спасите Эржебету, сохраните для мести...

Снова пришли волки. Расселись под деревом, ждали чего-то. Вороны хрипло каркали, прогоняя соперников.

Да святится имя твое, да придет царствие твое...

...И вы, сестры Тюндер, и ты, фея водопадов, что расчесывает водяные волосы свои, и ты, ветер, возлюбленный волшебницы Делибаб, летите к отцу и матушке, расскажите, что Эржебета в беде...

Тяжело ворочался кто-то в лесу. Тревожно заорали вороны, а волки убрались прочь. Хозяин леса шел за добычей.

...И ты, демон Ердэг, повелитель черных псов, черных кошек и черных ведьм, подаришь ли спасение за мою бессмертную душу? Спасение ради возмездия, демон Ердэг...

Эржебета молилась.

Вороны бросили пиршество, взмыли в небо. Треск ветвей стал удаляться и вскоре растворился во тьме. Хозяин леса ушел. Наступила тишина.

Эржебета молилась.

А потом появился Черный человек. Возник из воздуха возле пещеры. Высокий, в темном плаще, лица не видно, спрятано под капюшоном. А может, и пустота в нем, в капюшоне...

Эржебета смотрела, и ей казалось, Черный человек медленно приближается. И она уже не молилась, потому что понимала: вот оно – самое страшное. Страшнее бунта, страшнее волков и медведя. Даже страшнее смерти сестер. Ее судьба. Черный человек.

У него не было лица, но Эржебета чувствовала: он смотрит на нее. И под этим невидимым взглядом пылала, выгорала дотла ее душа. Оставались серая зола да пепел...

Черный человек исчез с рассветом, растаял так же неожиданно, как появился. Эржебета с трудом разжала сведенные судорогой пальцы. Оказалось, она всю ночь просидела на дереве неподвижно. Теперь попытка размять затекшие члены отозвалась болью во всем теле.

Подавляя стон, девочка долго ждала, пока кровь быстрее заструится по жилам, а руки и ноги начнут слушаться. Потом принялась спускаться с дуба – жалобно, по-щенячьи, повизгивая, когда казалось, что вот-вот сорвется. На полпути оказалась лицом к лицу с Агатой. Зажмурилась на мгновение, потом поборола себя, взглянула. Пустые глазницы, расклеванное лицо, черные потеки засохшей крови. Слабый запах тлена. Лицо смерти. Не страшно.

Эржебета сползла с дерева, упала на землю, долго лежала, набираясь сил. Потом с трудом поднялась и побрела вдоль леса. Шла долго. Не страшилась ни диких зверей, ни бунтовщиков – это была не ее смерть, не ее судьба.

В середине дня вышла к дороге. Уселась на обочине, ждала чего-то. Чего? В этих местах хорошо, если за день один всадник проскачет...

Вдалеке взметнулся столб пыли – не напрасно ждала, значит. Застучали копыта, к Эржебете мчался неоседланный вороной жеребец.

– Винар! – крикнула девочка.

Конь остановился, нервно прядая ушами. Видно, сбежал, когда крестьяне разорали конюшни, не захотел служить грязным скотам.

– Молодец, Винар, – прошептала Эржебета, чувствуя, что силы опять покидают ее. – Хороший Винар...

Замерев, жеребец ждал, пока девочка влезет на его спину. Стерпел, когда маленькие окровавленные руки вцепились в гриву. Сдержал нервную дрожь: от хозяйки исходил тяжелый дух смерти.

– Вперед, Винар, – Эржебета почти легла на шею коня.

Жеребец пошел быстрым шагом, бережно неся девочку, которая все глубже погружалась в забытие.

Июнь 1569 года, город Эрдёд, замок Эрдёд

Поздней ночью перед воротами Эрдёда остановился вороной конь, нетерпеливым ржанием оповестил стражу о своем появлении.

Сонный часовой выглянул из воротной башни, толкнул товарища:

– Габор, смотри-ка, всадник мертвый, что ли?

Тот поскреб в затылке:

– Может, ранен. Пойдем-ка, Янош, проверим...

Они распахнули тяжелые створки, жеребец вошел и встал возле стражников. Всадник свалился бы на землю, не подхвати его вовремя Габор.

– Это девчонка, – присвистнул он. – Вся в крови. Да вроде, еще дышит...

– Смотри-ка, она не из простых, – заметил Янош. – Платье господское, а конь целого дома стоит.

– Конечно, не из простых, дурья башка! – заорал капитан стражи, который очень вовремя пришел проверить пост. – Это ж дочка самого Дьёрдя Батори! Я ее в Эчеде видал!

– Ух ты! Так за нее награду дадут, что ли? – восхитился Габор.

– Или на кол посадят, если она у тебя на руках помрет! Я сам ее в замок отвезу.

Эржебета разомкнула запекшиеся губы, хрипло прошептала:

– Скажите отцу... в Эчеде бунт... сестер... убили... – и снова погрузилась в беспамятство.

Капитан выругался, вскочил на усталого жеребца, принял Эржебету из рук Габора и поскакал в замок, где собралось множество знатных господ.

Спустя час из ворот Эрдёда вылетел большой отряд всадников. Яростно гикая, вооруженные до зубов верховые понеслись в сторону Эчеда.

Июнь 1569 года, замок Эчед

– Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое...

Анна снова и снова повторяла слова молитвы, не сводя глаз с бледного, осунувшегося лица дочери. Вот уже четвертая неделя пошла с той проклятой ночи, когда капитан стражи привез бездыханную девочку в замок Эрдёд и торопливо рассказал о восстании. С тех пор Эржебета не приходила в себя.

В ту темную ночь Дьёрдь и все гостившие у Батори мужчины тут же подняли своих гайдуков, помчались в Эчед. Восстание подавили быстро – прошлись по окрестным деревням огнем и мечом. Сожгли каждый третий дом, пригрозили, что сожгут и остальные. Крестьяне

тут же указали на бунтовщиков и зачинщиков, да еще сами кинулись их вязать. Тех, кто успел сбежать, искали и ловили гайдуки Батори.

Едва прибыл гонец с сообщением, что мятежники пойманы, Анна собралась и отправилась в Эчед. С собою повезла и спящую Эржебету.

Скоро комнаты в замке привели в порядок, стены обили новой белой тканью, поставили мебель краше прежней, разрушенную конюшню отстроили. Все вернулось к своему порядку. Только кто вернет матери детей?

К приезду хозяйки дворян обмыла тела Агаты и Каталины, нарядила в дорогие платья, уложила в обитые бархатом гробы. Раздавленными статуэтками лежали ее красавицы. Хрупкие косточки переломаны мужицкими кулаками, не узнать прекрасных лиц из-за черных пятен, что покрывали кожу. Что вытерпели дочери, какую муку приняли перед смертью, о том она думать не могла, боялась лишиться разума...

Были над барышнями плакальщицы. Анне тоже хотелось завывать, да упасть на пол, поползти к мертвым дочерям, да закинуться в кликушеском припадке, биться головою о камень... Не стала – Батори не плачут. Молча подошла к домовинам, молча смотрела в изуродованные лица, осторожно гладила изломанные пальцы.

Анна не захотела хоронить дочерей в семейном склепе, отдавать холоду и сырости. Пусть ласкает их солнце, шумят над ними травы, птицы поют... У подножия горы упокоили их, в окружении пышных каштанов. Рядом возвели маленькую, светлую часовню.

– Расправа будет лютой, моя любимая, – чернея лицом, обещал Дьёрдь над могилами. – Клянусь, навеки все Карпаты запомнят эту казнь...

Теперь мятежники томились в холодных подвалах замка Эчед, ожидая возмездия, а семьи их мыкали горе на пепелищах. Дьёрдь не спешил с судилищем, ждал, когда очнется любимая дочка, чтобы своими глазами увидела, как расплачиваются грязные скоты за кровь Батори.

Но Эржебета никак не могла пробудиться от странного забытья. Она то металась в горячке, то лежала неподвижно, как мертвая.

Там, во сне, клубилось марево цвета крови, Эржебета плыла по нему, старалась выбраться, да не умела. Приходил Черный человек, склонялся низко, нависал над нею, шептал странное и страшное – о том, что ждет впереди и каков будет конец. Она силилась разглядеть лицо то ли призрака, то ли демона, заглядывала в капюшон, но ничего не видела. Потом сквозь багровый туман пробивался голос матери, и Черный человек уходил, растворялся, чтобы вновь появиться и мучить.

В этот раз голос Анны звучал особенно громко.

– Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, – разобрала Эржебета.

И открыла глаза. Увидела над собою балдахин небесно-голубого бархата, расшитый серебряными нитями. Руки нащупали одеяло из волчьего меха. С трудом повернула голову, удивляясь собственной слабости. Она лежала в своей комнате, в замке Эчед. Пахло воском, горели в серебряных канделябрах свечи. В маленькое окошко заглядывала полная луна.

Возле двери жались две девчонки-служанки. У кровати на низкой скамеечке сидела мать – похудевшая, постаревшая, в траурном платье.

– Хвала господу, – прошептала Анна, – Ты очнулась, дочка...

И тут же, вместо того чтобы обнять Эржебету, ахнула, отпрянула, прижала ладони к щекам, зашептала молитву. Немного погодя махнула трясущейся рукой служанкам – прочь, мол. Те вышли на цыпочках. Мать продолжала молиться, по щекам ее текли слезы.

Не понимая, что могло так испугать всегда невозмутимую, несгибаемую Анну, девочка осторожно села в подушках. Мать и не подумала помочь. Превозмогая головокружение, Эржебета спустила ноги с кровати. Долго сидела, приходя в себя – даже такое ничтожное движение отняло все силы. Потом сползла кое-как с высокого ложа. Босые ступни ощутили холод камен-

ного пола. Девочка едва не упала, но вовремя схватилась за резной столб кровати. Отдохнула, медленно побрела к зеркалу, которое висело на стене.

Эржебета прошла мимо матери, ощутила, как та отстранилась, словно от заразы. На подгибающихся ногах добрела до зеркала, схватилась за дубовую резную раму, заглянула в серебристые глубины.

Оттуда на нее смотрела незнакомка с худощавым, строгим, как у взрослой женщины, лицом. В тусклом свете кожа ее была бледна, как у покойницы, а губы алы, словно кровь. Болезненный сон стер румянец со щек, и Эржебета знала, что это навсегда.

Сзади подошла мать, робко коснулась плеча:

– Твои глаза, доченька...

Яркая зелень превратилась в непроглядную черноту, из которой на мир глядела бездна...

Служанки, которых Анна выгнала из комнаты, присели в темном уголке, шептались испуганно.

– Видала барышню? Чистая ведьма, – говорила пухлая Агнешка.

– Да может, она такая и раньше была? – возражала тощенькая вертлявая Пирошка. – Мы ж ее вблизи и не видали...

Девчонок взяли из деревни в замок совсем недавно, взамен убитых во время бунта служанок. Агнешка с Пирошкой радовались везению – господские люди всегда сыты и одеты. Но больно уж страшно, дико было в каменной этой громадине. И говорили о семье Батори всякое. А уж теперь, когда барышня очнулась...

– Нет, она другая была! – Агнешка затрясла головой, – Моя тетка Илона у ней кормилицей служила, потом нянькой. Сказывала, добрая барышня, веселая, чисто птичка, а глаза зеленые, что твоя трава. А теперь?..

– Черные у ней глаза, – Пирошка поежилась.

– Вот! Значит, подменили!

– Кто?! – Пирошка аж рот открыла от любопытства.

Агнешка надула веснушчатые щеки:

– Известно, кто. Он, Ердэг. Тетка говорила, он детей лидерками подменяет. А то и вовсе в их душу вселяется. Так что ей-ей, подмениш барышню Эржебета, а настоящую-то Ердэг давно уж сожрал...

– Тс-с-с-с, – зашипела Пирошка. – молчи. Не наше это дело. Как бы беды не было...

Наутро барышня вышла из комнаты. Была она бледна, худа и измождена. Но держалась прямо, голову несла высоко. С тех пор никто не видел ее улыбки, не слышал смеха.

Белой тенью скользила Эржебета по замку, неслышным призраком появлялась из тени. Встречая людей, смотрела прямо, испытующе. Особенно надолго замирала перед слугами и пришедшими в замок крестьянами. Глядела в лица, словно искала кого-то.

Никто не мог долго выдержать взгляда этих огромных черных глаз. Страшными они были, бездонными, словно адская бездна, из которой сам дьявол людские души выискивает. И оттого шептались люди: подмениш Ердэга – дочка Батори...

А Эржебета и впрямь жила в аду. Ее постоянными спутниками стали страх и ярость. Глядя в глупые лица рабов, видела она другие – перекошенные злобой и похотью, слышала предсмертный хрип сестер. И мечтала о мести, и желала убивать. Не могла простить. Ненависть в ней выжгла любовь. Больше Эржебета не ласкалась к родным, не вступалась за слуг, когда родители приказывали их выпороть.

Здоровье ее было неплохо. И лишь в ночи полной луны к Эржебете являлся во сне Черный человек, садился у кровати, касался щеки ледяной рукой и говорил, говорил, приказывал... Эржебета вскрикивала, металась по кровати, бредила, а просыпалась больная, с горячкой.

Потом луна шла на ущерб, и болезнь уходила. До нового полнолуния.

В Эчед один за другим приезжали лекари. Осматривали девочку, все как один пожимали плечами – не знали, что за недуг. Одного Дьёрдь от безысходности даже на кол посадил, остальных велел выпороть. Не помогло: не сумели вылечить Эржебету.

Отец жалел, гладил по голове, говорил, мол, пройдет, поправится дочка. Матушка ежедневно молилась о ее выздоровлении. Младшие сестрички боялись, сторонились, как прокаженную. И лишь желтые глаза старшего брата Иштвана маслились при виде рано повзрослевшей девочки.

Так минуло три месяца. Наконец гайдуки притащили последнего пойманного в лесу бунтовщика – здоровяка Петру. Для Дьёрдя настало время исполнить обещание, данное жене. Может, и Эржебета успокоится, когда увидит, что мятежники казнены, решил он.

Всю ночь в замке стучали молотки, а к утру вырос во внутреннем дворе деревянный помост. К нему нагнали слуг и крестьян из ближайших деревень – пусть видят, что случается со скотами, посягнувшими на жизнь Батори.

Для господ на нижнем ярусе галереи поставили кресла. В полдень казнь началась. Солдаты вывели из подвала преступников, загнали на помост, поставили на колени.

Тощи, бледны были узники. Дрожали, закрывали глаза, ослепшие от яркого солнца. На руках и ногах звенели толстые цепи, тела покрывали гниющие раны, и ползали по ним вши. Эржебета смотрела на крестьян, и не узнавала. Где те наглые, хохочущие демоны, что в клочья рвали ее сестер?

Закричал глашатай, перечисляя бунтовщиков. Эржебета вздрогнула, услышав имя Петру.

Поднялся Дьёрдь – величественный, строгий.

– Господь милосердный будет судить вас. У него вымаливайте прощения. А своей волей, за преступления против Батори приговариваю вас к смерти.

Сел. На помост взобрались палачи, и началась долгая экзекуция. Глашатай по очереди выкликал имена мятежников, распорядитель читал казнь, назначенную Дьёрдем.

Замок звенел от стонов, предсмертных криков и плача женщин. Горячий воздух пах кровью. Алые лужи залили помост, алые кляксы украсили одежду солдат и палачей. Камень замкового двора стал скользким, и росла на нем груды изувеченных тел. Одни были мертвы, другие еще шевелились, тянулись куда-то, по-рыбьи разевая рты с обрубками языков.

Кровь за кровь... Мерно взлетали плети, шипели раскаленные клейма да покрывались красным мясницкие топоры.

С каждым ударом кнута, с каждым взмахом топора Эржебета только крепче впивалась побелевшими пальцами в подлокотники кресла. Как тогда, в лесу, в кору спасительного дуба... Невозмутимым было ее лицо, холодным. Батори не плачут. Лишь горели адским пламенем черные глаза, и казалось, отражаются в них кровавые лужи.

Иштван забыл о казни, не сводил восхищенного взгляда с лица сестры. Как прекрасна была она в своей неподвижной ярости!

– Петру Новак! – выкрикнул глашатай.

– Сто плетей, вырывание языка, отрубление рук, казнь через посажение на кол, – скороговоркой перечислил распорядитель.

Дышать стало нечем. Сердце подпрыгнуло к горлу. Эржебета, не чуя ног, поднялась, подошла к каменным перилам. Родители переглянулись.

«Я боюсь за нее», – говорили глаза матери.

«Не тревожься. Она Батори», – успокаивал взгляд отца.

Дьёрдь незаметно кивнул палачам, сделал знак рукой, молчаливо приказывая растянуть казнь.

Свистнул кнут, пошел с потягом, оставляя первый кровавый след. Следом взвился второй, пересек алую полосу, образовав крест. И оба загуляли по спине мужика, срывая клочья кожи, обнажая мясо.

А Эржебета видела, как спина эта бесновато дергается над телом сестры.

Петру кричал, бессвязно молил о пощаде.

«Сейчас попробуем, как сладок господский кусок!» – звучало в ушах Эржебеты.

«Я первый, первый...» – слышалось ей сквозь стоны и рыдания крестьянок.

«Сладок, сладок господский кусок...»

«Попробуем...»

И лишь когда кат сунул в рот Петру щипцы и выдернул еще трепещущий кусок мяса, показал всем – голос в голове Эржебеты затих. По телу разлилась странная истома. Эржебета вцепилась в холодный камень перил. Батори не теряют самообладания.

Горло перехватило, в груди поднялась яростная радость, когда палач отрубил Петру обе руки. Эржебета изогнулась от удовольствия. В ногах появилась дрожь.

Все смотрели на помост, и лишь один Иштван – на Эржебету. На губах юноши играла сладострастная улыбка.

Каты втащили обливающегося кровью Петру на стену. Там уже был вбит между камнями кол. В назидание, во устрашение.

Когда стена Эчеда украсилась агонизирующим телом, Эржебета навалилась грудью на перила, закусив губы, тяжело дыша, содрогаясь и сдерживая крик ликования.

Пусть век помнят Карпаты, как мстят за свою кровь Батори...

Глава 2

Владивосток, май 2012 года

Я стряхнул холодные капли с плаща, бросил его на вешалку. Дверь распахнулась, в кабинет вплыл запах свежесваренного кофе, а за ним и Маша. Поставила на стол чашку, улыбнулась – и в комнате, несмотря на дождь, ливший за окном, словно стало светлее.

Маша была красива. Отличная фигура, милое личико, светлые волосы, большие и добрые, как у оленухи, карие глаза. Два года назад я вырвал ее из лап залетного упыря. Клан делла Торре тогда только ушел, и в город полезла всякая нечисть. Кровосос был то ли разведчиком, то ли одиночкой, но на свое несчастье решил поохотиться в темной, занавешенной туманом подворотне. А я туда удачно зашел.

Девчонка держалась молодцом, мороку упыря не поддалась, отчаянно сопротивлялась и орала. Потому отделалась сильным испугом да царапинами на шее. Проклятый получил серебряную пулю в башку.

В общем, обычное дело. Трудности начались потом, когда я объяснял Маше, что произошло. Она вполне трезво оценивала ситуацию, и сказочке про ряженого или маньяка не поверила бы. Я даже пожалел, что упырь не смог ее загипнотизировать. Пришлось сказать правду и пригрозить, чтобы помалкивала.

Я проводил девчонку домой, благо жила она неподалеку, вернулся, избавился от трупа, а вскоре благополучно забыл о Маше. Пока не встретил ее в одном нехорошем ночном клубе, где частенько появлялись проклятые.

Видок у девицы был тот еще: декольте до пупка, набедренная повязка вместо юбки – в общем, явная провокация. На проститутку она никак не тянула – манеры не те, да и выражение лица совсем уж не соответствовало. Из интереса я понаблюдал за Машей, и скоро все понял. Достаточно было увидеть настороженный взгляд, которым она провожала каждого мужчину.

Я подошел, взял девчонку за локоть, молча вытащил из клуба. Отвел в укромное местечко, вырвал из рук сумочку, вытряхнул ее содержимое прямо на асфальт. Ну конечно! Здоровенный поповский крест, несколько головок чеснока, пузырек – по всей видимости, со святой водой, и столовый нож из сплава, в котором добавок было больше, чем серебра.

– Что ты собиралась с этим делать? – прорычал я. – Защекотать упыря до смерти?

Девчонка зыркнула на меня гневным взглядом:

– Он серебряный!

– Ты б еще зубочистки из осины прихватила! Пусть уж упыри обхохочутся...

И тут Маша расплакалась, принялась быстро-быстро говорить. Сквозь рыдания я с трудом разобрал, что она устала жить в постоянном ужасе, вздрагивать от каждого шороха, поэтому решила найти вампиров и посмотреть на них, а желательно даже убить.

После этой исповеди я усадил девушку в машину, где долго объяснял, что неподготовленный человек не может охотиться на проклятых:

– В лучшем случае тебя сожрали бы, как цыпленка, в худшем – ты покалечила бы ни в чем неповинного мужика.

– Может, наоборот? – робко возразила Маша. – В лучшем покалечила бы...

– Нет, дорогая! Взятась охотиться на упыря – неси ответственность за свои поступки.

Отвез я ее тогда домой и запретил даже думать о проклятых. Она вроде пообещала, но я не очень поверил – слишком бедовая оказалась девчонка. Вообще, ее поступок даже вызывал уважение: не каждый может вот так пойти навстречу собственному страху.

Пришлось для профилактики за нею присматривать. Заезжал иногда, созванивался. Каждый раз слышал одно и то же: «Хочу бороться с вампирами, делать мир чище» – и прочие благоглупости. И глаза так блестели нехорошо, с сумасшедшинкой.

Можно было плюнуть: охота быть сожранной – да пусть. Но мне стало ее жаль. Красивая, храбрая... В общем, поговорил я с отцом Константином, устроил проверку Машиной биографии, а когда убедился, что все чисто, предложил девушке должность моей помощницы.

Вот уже полтора года Маша выполняла всю офисную и бумажную работу. Правда, все время уговаривала поручить ей более серьезное дело, но я отказывал, поясняя, что она и на своем месте приносит пользу в борьбе с упырями...

– Вот еще бутерброды и печенье. Завтракай скорее, пока вчерашняя тетка не явилась, – сказала Маша, выходя.

Она не ошиблась: едва я допил кофе, на столе ожил селектор, сказал голосом помощницы:

– Иван Сергеевич, к вам посетительница.

– Пригласи.

В кабинет вошла высокая красивая брюнетка. С теткой Маша погорячилась: девушке было не больше двадцати пяти. Она явно нервничала – теребила сумочку и покусывала пухлые губы.

– Вы должны мне помочь! – без предисловий воскликнула гостья.

Я вежливо отрекомендовался:

– Иван Тарков, частный детектив.

– Ах да, извините, – девушка порылась в сумочке, достала визитку, протянула.

«Александра Вениаминовна Катынина», – гласила надпись на карточке. Дальше следовали контакты. Ни профессии, ни должностей – значит, скорее всего, просто жена. И скорее всего, того самого Катынина...

– Да, Денис Катынин – мой муж, – кивнула Александра. – О нем я и хотела поговорить...

От меня не укрылась заминка, с которой девушка произнесла эти слова.

– Простите, не занимаюсь отслеживанием неверных супругов.

– Нет-нет, вы не поняли! Он... пропал. Уже неделю...

Я окончательно поскучил. Денис Катынин – крупная фигура не только в масштабах Владивостока, он входил в сотню самых богатых предпринимателей России. Древесина, рыбная промышленность, морские перевозки. Исчезновение бизнесмена такого масштаба – серьезное событие. Вот только меня оно никак не интересовало. Похищение или заказное убийство, побег от властей или жены – так или иначе, но это дело не для чистильщика. Странно, что в прессу ничего не просочилось...

– Ничем не могу помочь. Это юрисдикция полиции. Заявление писали?

Александра окончательно смутилась и принялась бормотать что-то о совете директоров, бирже и падении курса акций. Я слушал уже вполоуха, стараясь не показывать безразличия слишком явно. Не люблю алчных баб. Эта – алчная. Какие-то акции дороже жизни мужа. Может, сама его и заказала, а с моей помощью хочет алиби себе состряпать? Тем лучше: проще отказать.

– Ваши услуги будут хорошо оплачены. Очень хорошо, – отчеканила женщина.

Даже будь я настоящим частным детективом, не взялся бы...

Я добавил в голос жесткости:

– Обратитесь в полицию. Это их дело. Мне некогда. Всего доброго. – Нажал кнопку селектора: – Маша, проводи.

Помощница быстро выперла растерянную Александру. Я включил компьютер, чтобы наконец заняться настоящей работой.

Лицензия частного сыщика – отличное прикрытие для чистильщика. Во-первых, проще работать с людьми: показал удостоверение, и уже расположил к себе собеседника. Странно, но корочки у нас до сих пор обладают волшебной силой. Во-вторых, удобно мониторить случаи,

связанные с вампиризмом: я брался только за те дела, в которых прослеживались следы проклятых. А таких клиентов, как Александра, отфутболивал под разными предлогами.

В который раз уже открыв материалы, присланные осведомителем, я принялся снова вчитываться в мелкие строчки.

Тела были найдены группой диггеров, которые тут же вызвали полицию. По словам парней, само подземелье они нашли три дня назад, но отложили его исследование из-за других дел. Вернувшись же, обнаружили такой вот жутенький сюрприз прямо возле входа. Оpoznать тела диггеры не смогли, что и неудивительно, при таких-то увечьях.

Трупы выглядели так, словно их растерзал дикий зверь. Впрочем, я был уверен: так оно и случилось. Разорванные глотки, вскрытые брюшины, дыры в грудной клетке – там, где сердце. Самих сердец полицейские не нашли.

Я покосился на айфон, лежавший на столе – ну и когда ждать звонка? Святые отцы везде одинаковы – неторопливые перестраховщики и бюрократы...

Чтобы не терять времени, пробежался по местным новостным сайтам. Везде уже появилась информация о находке в подземелье. Официальной версией следствия называлось нападение дикого животного, предположительно, медведя, который недавно сбежал из зоопарка.

Недоверчиво хмыкнув, я схватился за трубку.

Широкий круг знакомств – залог успеха сыщицкой работы. Приятели, знакомые, собутыльники и просто осведомители – их помощь здорово экономит время и силы. Вскоре я уже знал: никакой медведь из зоопарка не сбежал. Полиция этим заявлением просто пыталась не допустить паники. Конечно, разгуливающий по городу медведь – тоже не бог весть какое счастье, но это хотя бы понятная опасность.

Следствие изначально находилось в тупике, в этом я был уверен. Никому ведь в голову не придет выдвинуть версию нападения упыря.

Хотя не совсем и упырь – я отлично знал «почерк» каждого клана. Нас учили этому в Ордене. Так не убивал никто из проклятых.

Это была работа вурдалака – не-мертвого зверя, в которого превращается долго не жравший упырь. Проклятые от голода недохнут, лишь со временем теряют способность к метаморфизму, а вместе с нею и разум. Хотя они и так чокнутые, в любой ипостаси.

Сердца вурдалак, скорее всего, выдрал просто ради развлечения, а потом где-нибудь выкинул. Но мог и сожрать. У них пищеварение не такое нежное, как у вампиров.

Растерзанных подростков, конечно, было жаль. Но их убийство могло стать тем самым козырем, которого я давно ожидал...

Айфон наконец-то зазвонил. Я поднес трубку к уху.

– Надо встретиться, чадо, – проговорил тяжелый бас.

Эти три слова означали, что мне дается добро на расследование. Я открыл сейф, достал экипировку для «большого выхода»: два водяных пистолета, патронташи с запасными капсулами святой воды, баллончики с нею же, серебряные стилеты, распятие, Библия, кольт сорок пятого калибра, заряженный серебряными пулями. Пристегнул боковые кобуры, вложил в них водяные пистолеты, крест-накрест повесил патронташи, прикрыв это дело плащом. Все остальное добро вместе с кольтом пока спрятал в спортивной сумке.

Распрощавшись с Машей, вышел под хмурое небо. Льет без пользы, думал я, шагая к машине под колючими струями. Вот бы освятить дождь, сразу бы всех упырей порешили. Жаль, такой фокус никому не по силам...

Джип рванул с места, покатился по выщербленной дороге в сторону делового центра.

До места встречи оставалось не больше пяти минут езды, когда меня остановили гибедешники. Ребята были в бронежилетах, вооружены калашами – видно, в городе проводилась какая-то спецоперация.

– Выйдите, пожалуйста, из машины и предъявите документы, – потребовал суровый лейтенант.

Я выполнил приказ. Полицейский глянул исподлобья, сличая фото на правах с моей физиономией. Скользя взглядом по моему плащу, он вскинул автомат:

– Поднимите руки. Повернитесь. Руки на капот.

Обхлопав меня, он быстро извлек из кобур пистолеты и озадаченно замолчал. Потом спросил:

– Это что за хрень?

– Водяные пистолеты, – невозмутимо произнес я.

– Зачем?

– Стрелять водой.

Лейтенант снова замолчал. Решив не мучить его долго, я пояснил:

– Занимаюсь ролевкой.

– Это с бабами, что ли? – слегка расслабился лейтенант.

– Нет, это с группой единомышленников. Городские игры, не слышали? Вроде соревнований, только в антураже какой-нибудь сказочной истории. Сейчас вот играем в охотников и вампиров. Я охотник.

– А водяные пистолеты зачем? – не унимался полицейский.

– А вы хотели бы, чтобы мы из настоящих стреляли? – уточнил я.

Лейтенант сделался еще угрюмее, подозвал коллегу, сунул ему мои права:

– Пробей этого умника.

Тот сбегал к машине, вскоре вернулся:

– Чисто.

Лейтенант молча помахал водяным пистолетом. Теперь уже оба гиббедешника задумчиво смотрели на меня, видимо, прикидывая, как я сумел получить допуск психиатра на права.

– Ролевики, они все шизанутые, но безобидные, – высказался наконец прапорщик.

Лейтенант кивнул, вручил мне права, игрушку:

– Можете продолжать движение.

Я уселся в машину. Как всегда: водяные пистолеты в серьезных кобурах вводят всех в ступор, так что до сумки в машине, где лежит настоящий кольт, дело не доходит.

Кафе «Malina» было полупустым. Я уселся за столик у окна, сделал заказ. На улице раздался грохот, и возле крыльца остановился «Харлей».

Вскоре в кафе вошел, держа подмышкой черный шлем, здоровенный бородатый байкер в кожаном костюме и берцах. Макушку его прикрывала бандана с черепами, на шее болтался большой серебряный крест. Опустившись на стул напротив, он проговорил басом:

– Привет, чадо.

В работе с РПЦ, конечно, бюрократических проволочек было не меньше, чем с католиками. Но что мне здесь нравилось – люди проще и приятнее.

В отце Константине не было ни грамма официоза или занудства. Хотя жук тот еще. Он дотошно выспросил все подробности и мои соображения по поводу случившегося, потом произнес:

– Принято решение расследовать это дело. Ну да ты и сам понимаешь.

Я рассеянно кивнул. Не заинтересуйся убийством наверху – куратор не назначил бы встречу. Конечно, отдать распоряжение он мог и по телефону либо послать письмо на мыло. Суть – в благословении на свершения. Оно обязательно, это не простой ритуал. Чистильщики – глубоко верующие люди, благословение придает нам сил, самых что ни на есть настоящих, физических.

– Бабло на расходы тебе уже перевели, – продолжал отец Константин. – В остальном все как всегда.

В девятом году, когда была провалена важнейшая операция СКДВ благодаря тому, что кто-то из чиновников Ордена сдал ее план упырям, я всерьез задумался. Мне совсем не хотелось работать с организацией, в которой появились предатели. Только вот убраться из Ордена живым шансов не было. Чистильщик – это навсегда, до самой смерти.

Поэтому, когда на меня вышли представители РПЦ с предложением поработать у них, я не особенно надеялся, что это возможно. Но ребята обещали утрясти вопрос перевода, и не обманули. К моему удивлению, вскоре Магистр Ордена сообщил, что я свободен от обязательств перед СКДВ. Так я и стал первым чистильщиком православной церкви. С точки зрения религиозности перевод меня не смущал – истинно верующий понимает, что бог един.

Особой организации, которая занималась бы вопросами нечисти, в РПЦ пока не имелось, так что мне назначили куратора – отца Константина, который решал все вопросы напрямую с высшим духовенством. Я работал под видом частного детектива, отслеживал подозрительные случаи, а уж разбираться ли с ними – решала церковь.

Сейчас церковь в лице отца Константина крепко меня огорчила:

– И не горячись, чадо. Разведай все тихо и аккуратно, без шума. Предоставишь отчет – там решат, что дальше. Сам ничего не предпринимай. А то знаю я тебя, наворотишь...

Черт! Ведь так надеялся, что этот случай развяжет мне руки и станет началом войны. Не вышло...

– Благословите, батюшка, – покорно попросил я.

Отец Константин размашисто перекрестил меня – к удивлению официантки, которая принесла заказ, поднялся и вышел. С улицы донесся рев мотора.

Быстро перекусив, я отправился осматривать место, где нашли тела. Это следовало сделать сразу же, но святые отцы как всегда протянули время, принимая решение. Сутки потеряли...

В машине решил проверить электронку. Интуиция опять не подвела: пришли два письма от осведомителя из полиции. В первом были хорошие новости. Тела опознали. Подростки с соседней улицы, увлекались самодеятельным диггерством. Это значительно облегчало мне работу – теперь можно было отследить контакты, найти свидетелей.

Открывая второе, я уже догадывался, что увижу. Найдено еще одно растерзанное тело. Теперь далеко от центра города – на Молодежной. Жильца пятиэтажки убили поздним вечером во дворе его дома. Судя по фото, почерк у убийцы был явно тот же.

Из истории рода Батори

Замок Эчед, сентябрь 1570 года от Рождества Христова

Полная луна лила нежный свет на замок, серебрила холодный камень. Ночь была теплой. Быть бы этой ночи благословенно тихой, спать обитателям Эчеда спокойно, когда б не крики, разносившиеся по гулким коридорам.

Агнешка с Пирошкой сидели в кухне под большим столом, согнувшись так, чтобы не видно было их среди корзин с овощами.

– Да когда ж притомится, проклятый? – прошептала Пирошка. – Когда уж натешится?

– Как натешится, так еще, гляди, и за новой девкой пойдет, – осадила ее Агнешка. – Ему что? Вон гладкий какой.

Худенькая Пирошка повозилась, устраиваясь удобнее: прутья, вылезшие из корзины, кололи ребра.

– На горе господа уехали...

Анна и Дьёрдь Батори впервые со времени восстания отправились в Эрдед. Наученные горьким опытом, оставили в замке отряд вооруженных до зубов гайдуков. Каждый из воинов

стоил десятка крестьян. Да только вряд ли мужичье вздумало бы снова бунтовать: слишком хорошо помнили прошлогоднюю расправу над непокорными.

Поехали хозяева без детей и с малым количеством прислуги – дела предстояли важные, домочадцы стали бы обузой.

Едва дождавшись, когда карета, окруженная верховыми, покатится по дороге, Иштван вышел на охоту. Как выходил всегда, стоило родителям хоть ненадолго покинуть дом.

Молодые служанки старались спрятаться заранее, никому не хотелось очутиться в лапах молодого господина. Пирошке с Агнешкой повезло, они уже полгода работали помощницами при кухне, а тут имелось много укромных мест, чтобы схорониться. Вечером, расставив по местам посуду и подметая пол, они нырнули в убежище, где досидели до глубокой ночи. Теперь, прислушиваясь к воплям девки, которой не посчастливилось попасться на глаза Иштвану, они тихо переговаривались.

– Чего ж неймется ему? Чисто зверь бешеный!

– Все потому что от одной крови рожден, – важно пояснила Агнешка.

– Как – от одной крови?

Вытаращив прозрачно-голубые, как родниковая вода, глаза, Агнешка таинственно прошептала:

– Госпожи Анны и господина Дьёрдя матери – родные сестры.

– Ну и что? – удивилась Пирошка.

– А то, что мне тятка сказывал: нельзя долго скотину одной крови случать – больная будет да слабая. А почитай, половина Батори между собою женятся...

– Так то скотина, – перебила ее простоватая подружка, – а то господа...

– Пирошка, да что ж ты дурная такая? Что скотине плохо, то и господам нехорошо, – Агнешка ненадолго задумалась, скребя в затылке, добавила: – И то сказать: иные господа хуже скотины...

– Да, – поежилась Пирошка. – Борка так и не оклемалась, ходит скрюченная.

– Так на ней места живого не было. Спасибо, не померла...

– Знать бы, кого зверь на этот раз схватил.

– Завтра узнаешь. Уж ни с кем не спутаешь, – сердито фыркнула Агнешка.

Месяц назад старшие господа поехали с гостями на охоту, а Иштван поймал семнадцатилетнюю служанку. Всю ночь из покоев его доносились надрывные крики, а наутро Борка еле приползла в девичью. Окровавленная рубашка ее была изодрана в клочья, спина исколотая плетью до мяса. На другой день раны загноились, Борка долго недужила, и сейчас еще не совсем оправилась. Так еще и ума бедная девка лишилась: вздрагивала от каждого шороха, начинала реветь, если кто на нее смотрел. А уж встретив Иштвана, и вовсе скрючивалась, закрывая голову руками. Молодой же барин только ухмылялся страху своей мимолетной любовницы.

– И некому ж пожалиться на демона, – прошептала Пирошка.

– Знамо дело, господам родная-то кровь всегда ближе, чем дворня.

Если родители замечали покалеченную девку, Иштван объяснял, что приказал ее выпороть за провинность. Опровергнуть слова господского сынка никто из челяди не решался.

– Вроде не кричит больше, – Пирошка прислушалась. – Выйти, что ли?

– Сиди, дурная! Или тоже плетей захотела?

– Спать охота...

– Так вот и спи! – Агнешка подала пример, свернувшись в клубочек между корзинами и закрыв глаза.

Пирошка повздыхала, повозилась и тоже задремала...

Эржебете не спалось. Лунный луч вкрадчивым котенком ластился к лицу, мягкой лапой касался глаз, нашептывал странные мысли. Едва забывшись, она тут же подскакивала на

постели: во сне мерещился Черный человек. Он всегда приходил в полнолуние, усаживался рядом, гладил щеку холодной ладонью и говорил, говорил... Эржебета теперь знала обо всем, что ей суждено. И ждала, хоть не желала верить.

Не хотелось засыпать, не хотелось снова слушать жуткое. Да еще эти крики откуда-то издалека – то жалобные, переходящие в плач, то истошные, перемежаемые мольбами о пощаде. Словно призраки стонали в замке. Эржебета была не из робких. Да и чего бояться? Все самое страшное она уже видела, а здесь нет ее смерти. Поднялась, взяла свечу со стола и тихо вышла за дверь.

Из бойниц галереи тоже струился лунный свет. Эржебета скользила по его лучам – бледная, в белом ночном одеянии, под неверным огоньком свечи она сама выглядела как призрак.

Крики становились все ближе. Наконец стало ясно: они доносятся из комнаты Иштвана. Дверь была неплотно прикрыта, и Эржебета заглянула в щелку.

На нее повеяло смесью запахов крови, пота и вина. Взгляд уперся в спину брата – тонкая рубашка прилипла к разгоряченному телу, правая рука мерно поднималась и опускалась, нанося кому-то удары. Кому-то, кто уже не молил о пощаде, а лишь выл, обреченно, на одной ноте, как умирающее животное.

Иштван устал, опустил руку, отер лоб, сделал шаг в сторону, словно любясь тем, что сделал. Теперь Эржебета узнала в жертве дворовую девку, недавно взятую из деревни – светлые волосы, румяные щеки, глупые голубые глаза... Сейчас круглое лицо девки не выражало ничего, кроме бесконечного ужаса. Она была привязана за руки к столбу кровати. Сквозь прорехи на окровавленной, изодранной кнутом рубашке виднелась расплосованная до мяса плоть.

Иштван усмехнулся:

– Сейчас... – протянул руку, одним рывком сдернул с девки остатки одежды.

Служанка лишь тихо заскулила.

– погоди, – сказал ей Иштван. – Пить охота...

Он поднял со стола кувшин, жадно приложился к нему. Молодое вино потекло по подбородку, пролилось на шелковую рубашку, покрывая забрызгавшие ее пятна крови. Вдруг Иштван на мгновение замер, к чему-то прислушиваясь, потом резко обернулся. Взгляд желтых, по-звериному острых глаз обратился на дверь.

Эржебета поспешно отступила в тень, дунула на свечу, отчаянно надеясь, что не высмотрели ее эти рысьи глаза.

Нет, не высмотрели. Не подошел Иштван к двери, не распахнул, не закричал. Девочка беззвучно заскользила по лунным лучам обратно. Уж и неясно, кто лучше: Черный человек или единокровный брат, который всегда так странно смотрит на Эржебету. Так странно, что от этого взгляда хочется закрыться, будто стоишь под ним голая... Нет, наверное, Черный человек все же лучше. Он ведь только во сне...

За спиной раздался тяжелый топот. Все же заметил брат Эржебету...

Она побежала изо всех сил. Только бы добраться до комнаты! Топот все приближался, теперь девочка слышала даже сиплое дыхание Иштвана.

Вот и комната. Эржебета влетела внутрь, всем телом навалилась на дверь, протянула руку к засову...

Ей не хватило одного мгновения. Сильный удар сотряс дверь, отшвырнул девочку к середине комнаты.

На пороге, сжимая в руке плетень, стоял Иштван. Встрепанные рыжие волосы, яростный взгляд желтых глаз, красивое лицо искажено... ненависть? Любовь?

– Ты смотрела. Понравилось?

Эржебета молчала, отводила взгляд. Казалось невозможным глядеть в это измученное лицо, в эти горящие глаза. Что-то сидело внутри брата, жгло, сжирало его, превращало в чудовище.

Дыхание Иштвана участилось.

– Чего молчишь, голубка белая? Думаешь, не знаю, что за твоей невинностью сатана прячется?

Эржебета молчала, только губы ее беззвучно шевелились.

– Колдуешь? Ведьма! – взвизгнул Иштван. – Я все вижу...

Он заметался по комнате, бормоча бессвязное, словно себя же убеждая в чем-то:

– Десять тебе всего... а что ж, что десять? Скоро выдадут замуж, и прощай, Иштван...

Кому-то цветочек нежный, а Иштвану одни девки-шкуры... Да что ты сделаешь? – истерично выкрикнул он. – Отцу пожалуешься? – замолчал, отдышался, уронил с какой-то непонятной обреченностью. – Пусть... лучше смерть потом, чем так...

Эржебета, что-то беззвучно нашептывая, спокойно наблюдала, как корчится от непонятной муки ее брат. А он вдруг остановился напротив, тяжело дыша, смотрел на ту, которая стала его кошмаром. Из-за нее истязал служанок, избывая запретное желание. Да не избывалось. Только глубже впивалось, больше крови требовало. И лишь одна могла утолить его жажду. Наваждение черноглазое, дитя хрупкое со взглядом демона. Эржебета...

– Ты смотрела, – Иштван уже обвинял. – Как тогда, на казни... Ты тоже хочешь...

Его дыхание пахло вином, капризные губы кривились то ли в рыдании, то ли в ухмылке, в желтых глазах плясало пламя свечей. Красавец Иштван. Безумец Иштван. Поднял плеть, засмеялся:

– Сейчас проверим, как ты невинна...

«Попробуем, как сладок господский кусок...» – отозвалось в памяти, и вот уже не брат был перед нею, кривлялся в комнате пьяный от крови крестьянин. А за его спиной стоял Черный человек, кивал одобрительно.

Ярость – чистая, незамутненная, освободила разум, наполнила его холодом, сделала мир вокруг до звонкости ясным. Эржебета коротко хохотнула. Шагнула вперед, перехватила плеть, с неожиданной силой рванула, выдернула из руки брата. Тот ошалело уставился на девочку, не понимая, откуда взялась такая мощь в маленьком теле.

Тонкие пальцы плотно охватили рукоять. Взметнулась плеть, со свистом рассекая воздух – и на щеке Иштвана появилась алая полоса. Он вскрикнул, прикрыл лицо. Эржебета снова размахнулась, ударила по плечу.

– Ах ты, мерзавка! – брат попытался остановить ее.

Не тут-то было. Детская рука отшвырнула Иштвана так, что тот рухнул на пол. Плеть загуляла по его спине, плечам, лицу. В ключья рвала белый шелк, сдирала кожу с тела, окропляла пол красным.

– Остановись! – крикнул брат.

Эржебета не слышала. Она продолжала бить.

Еще.

Еще.

И еще.

Так мстят за унижение Батори.

На белом лице застыла гримаса ненависти, алые губы улыбались, из черных глаз смотрела бездна.

Иштван в ужасе понял: до смерти забьет. На четвереньках пополз к двери, плача от страха, с трудом отворил ее под бесконечными ударами, и вывалился из комнаты. Оказавшись в галерее, припустил прочь так, будто сам дьявол за ним бежал.

А Эржебета не погналась. Остановилась, с изумлением глядя на окровавленную плеть. Потом отшвырнула ее прочь. Ночь. Пора спать.

Она легла в кровать и тут же забылась крепким сном. В ту ночь Черный человек больше не тревожил ее.

Наутро Иштван не вышел из своей комнаты, потребовал подать еду в покои. Избитая им служанка убрела отлеживаться в кухне, остальные вздохнули спокойнее: молодой господин явно решил отдохнуть от охоты.

Раны Иштвана не успели зажить к приезду отца с матерью. На вопросы он спокойно ответил, что упал с коня. Дьёрдь поверил, даже присматриваться не стал: разве печаль для мужчины – несколько царапин? А вот Анна задумалась. Следы от плети трудно спутать с ушибами и ссадинами.

Мать давно замечала: между старшими детьми что-то происходит. Что-то недоброе. Слишком тяжелым взглядом смотрел Иштван на Эржебету, слишком старательно не замечала Эржебета Иштвана.

Анна гнала от себя дурные мысли. Но все чаще они возвращались. Преступная любовь между близкими родственниками не была редкостью в династии Батори. Разве ее кузен Габор Батори-Шомльо, король Трансильвании, не живет с родной сестрой, как с женою? Разве не родила она ему двоих детей? И разве не больны те дети...

Но Иштван не король, ему такой грех не простится. И глаза его безумны. Анна перехватывала взгляды сына и все больше опасалась за дочь. Она знала, чем занимался Иштван с девками. Не останавливала – пусть лучше дает выход злобе, чем копит в себе. Пусть утоляет страсть со служанками, тогда не тронет сестру. Да и не привыкли Батори волноваться о челяди. Что такое девки? Сорная трава. Рви пучками – новая вырастает.

Но теперь в глазах Иштвана больше не было больной страсти. В них читались ужас и ненависть. Что-то произошло между детьми, решила Анна. Неужели следы на лице и теле Иштвана – дело рук ее маленькой девочки?

Так или иначе, но пришло время вмешаться. Благо, Анна знала отличный способ справиться с трудностью. Она поговорила с Дьёрдем, написала несколько писем и стала ждать.

Замок Эчед, март 1571 года от Рождества Христова

В Эчед прибыл важный гость с многочисленной свитой. По этому поводу в замке пировали целый месяц. Рекою лилось ароматное вино, играли музыканты, гости и хозяева плясали до упаду. С ними веселился Иштван. Эржебету в пиршественные залы не пускали, слишком мала. Да она и не стремилась туда, пьяные люди казались ей неприятными, сбивчивые разговоры глупыми, а танцы – смешными.

Одним ясным утром, когда воздух был влажен, и чувствовалось в нем приближение весны, мать вошла к Эржебете. Следом за нею семенила черед служанок, которые на вытянутых руках несли дорогие наряды. Белоснежная шелковая рубаша, платье из тонкой светлой шерсти, расшитое золотыми нитями, атласная парта, усыпанная самоцветами – так одевают девушку, которая становится невестой. Только вот ей очень рано...

Анна осталась в комнате, с грустной улыбкой наблюдала, как наряжают и причесывают дочь. Эржебета молчала, лишь беззвучно шевелила губами.

Когда сборы были окончены, Анна взяла дочь за руку, повела в малый зал. Там за столом, уставленным снедью, сидели отец и широкоплечий мужчина с черной бородой. У гостя были темные колючие глаза, смуглая, как у цыгана, кожа и большой горбатый нос. Мужчина то и дело подносил ко рту чеканный кубок. В комнате стоял душный запах винных паров.

Увидев Эржебету, человек долго молчал, смотрел оценивающе. Молчали и Дьёрдь с Анной. Эржебете не понравился пронзительный взгляд гостя – так смотрят на товар, прикидывая, не порчен ли. Вместо того чтобы глядеть в пол, как полагалось благовоспитанной барышне, она подняла глаза. Мужчина отпрянул – так странен сначала показался ему взгляд девочки. Потом расхохотался:

– Хороша! Вон какие глазищи... Да здорова ли? Бледна что-то.

– Здорова, – успокоил Дьёрдь, подмигивая. – А что бледна, так то порода и женские штучки.

– Негоже девушке из благородной семьи быть краснощекой подобно крестьянке, – вмешалась Анна.

Гость согласно покивал и повторил:

– Но хороша...

Эржебета действительно была хороша – необычной, колдовской красотой. Каждый, кто видел ее впервые, поражался контрасту белой шелковистой кожи, иссиня-черных волос и бездонных глаз. Поначалу внешность девочки даже отпугивала, но потом на ее удивительное лицо хотелось смотреть еще и еще. Эта красота притягивала, манила и словно бы наводила морок.

Анна тайком вздохнула. Кажется, все сладилось. Она увела дочь из комнаты. Между тем гость с Дьёрдем пожали друг другу руки – сговор состоялся.

Потом лишь Эржебета узнала, что водили ее на смотрины, да не к кому-нибудь – к самому эрцгерцогу Томашу Надашди, аристократу древнего рода и самому важному из евангелистов Венгрии. Гроза турок, соратник династии Габсбургов, богатейший человек, покровитель образования, благотворитель и добрый семьянин искал невесту для сына.

– Тебе посчастливилось, доченька, – объясняла Анна. – Тебя берут в прекрасную семью, ты станешь женой достойного человека. Ференц Надашди – прославленный воин и примерный сын. Ты полюбишь его.

Эржебета молчала, ждала, что еще скажет мать. Анна продолжала:

– Свадьба будет через четыре года, а пока ты – просватанная невеста. Но решено отправить тебя в семью Надашди, в замок Шарвар. Достопочтенная Оршоля Надашди, твоя будущая свекровь, хочет сама заняться воспитанием невестки... Только не плачь! – воскликнула она, увидев, как дрогнули алые губы дочери.

Эржебета и не думала плакать. Она улыбалась. Наконец-то свобода. От этого замка, от связанных с ним тяжелых воспоминаний, от Иштвана, который смотрит злобно и жадно, как побитая собака. И кто знает, может быть, она сумеет освободиться даже от Черного человека?

– Что ж, я рада твоему благоразумию, – прохладно сказала Анна, выходя из комнаты.

Ее немного задело, что девочка даже не огорчилась разлуке. Анна давно уже перестала понимать дочь – с того самого дня, когда Эржебета пришла в себя, и ее глаза налились тьмою. Мать боялась признаться в этом даже себе, но она чувствовала облегчение оттого, что Эржебета скоро уедет.

Замок Шарвар, май 1571 года от Рождества Христова

Бричка, запряженная четверкой вороных, въехала в ворота замка. Следом скакала охрана, далеко позади тащились повозки, нагруженные приданым. В них ехали и девки, отданные в услужение Эржебете.

Уставшие от многодневной тряски Агнешка с Пирошкой, которым тоже выпало сопровождать барышню, с любопытством оглядывались по сторонам.

– Как-то нам тут поживется... – вздохнула робкая тощенькая Пирошка.

– Как бы пожилось, а не померлось, – насупилась Агнешка.

– Что ты, что ты – замахала руками ее подружка. – Бог даст, выдюжим. Главное, от барчука бешеного уехали.

– От бешеного уехали, к бешеной приехали, – не сдавалась Агнешка. – Барышня, она ведь тоже не проста. Видала, губы у ней какие краснющие? Как кровь. Лидерка она, точно тебе говорю, как есть лидерка!

Пирошка всегда, открыв рот, слушала подругу и признавала ее правоту. Но сейчас вдруг решительно воспротивилась:

– Наговоришь ты, Агнеша. Язык у тебя без костей! Барышня как барышня. Хоть раз она тебе что плохое сделала? Или, может, на конюшню отправляла?³ Не злая она. Просто несчастливая...

Агнешка, не ожидавшая такого отпора, надулась и замолчала.

Эржебете сразу не понравился этот замок. Он стоял на равнине, невысокий, приземистый. Скучный.

Как и его хозяйка, которая вышла на крыльцо, встречая гостей.

Оршоля Надашди была невысока ростом, худощава и сера, как небо поздней осени. Серое платье напоминало монашеское: без всяких вышивок, отделок и украшений, лишь поверх юбки – белоснежный накрахмаленный передник. Серые волосы – русые с сединой, серые тусклые глаза. И даже покрытое морщинами лицо словно припудрено серой пылью времени.

Она увидела Эржебету, и тонкие губы сложились в кисленькую улыбку, которая должна была выражать радушие:

– Добро пожаловать, дитя.

Эржебета подумала, что голос хозяйки тоже сер, тускл и ломок. Оршоля ей решительно не нравилась.

– Как прошло путешествие, дитя?

Девочка едва стояла на ногах: тело затекло от долгого сидения, от тряски тошнило, а голова болела и кружилась. Однако она не могла в этом признаться. Батори не жалуются.

– Спасибо, госпожа Надашди. Все хорошо.

Оршоля критически оглядела девочку:

– Мда? Что-то ты бледна, дитя. Ступай, Анка проводит тебя в твои покои. Обед через полчаса.

«Покои» оказались серой скучной комнатой. Узкая кровать, шкаф у стены, сундук, стол, стул, зеркало в простой деревянной раме... Все удобно, но слишком уж просто. Никаких украшений, позолоты, резьбы. Будь комната поменьше, ее можно было бы принять за келью.

Так началась ее жизнь в Шарваре. Жизнь, которую Эржебета сразу невзлюбила. С первого же дня Оршоля взялась перевоспитывать девочку, стараясь вылепить из нее достойную жену своему обожаемому сыну Ференцу. Спокойно, методично и чрезвычайно нудно вколачивала в голову Эржебеты знания, которые, по ее мнению, должны были превратить беспечного ребенка в образцовую хозяйку.

– Ты не так отдаешь приказания, дитя. Слишком резко, слишком отрывисто. Служанка может не расслышать, а переспросить побоится. Потом ты же будешь недовольна, что твое распоряжение не выполнено или выполнено неточно. Приказы следует отдавать ровным тоном, говорить при этом громко и внятно...

– Должно наблюдать за чисткой серебра лично, пока не убедишься, что оно сияет. Затем пересчитать приборы – увы, попадаютсЯ вороватые слуги. Чтобы такого не случилось, хозяйка замка должна точно знать, сколько и чего у нее имеется...

– Ты одета слишком вольно, дитя. Такой яркий цвет и платье, открывающее шею, не подобает воспитанной девице...

Оршоля умудрялась, кажется, быть во всех местах одновременно или умела ходить сквозь стены. Стоило Эржебете спрятаться в укромном уголке, чтобы передохнуть, подумать над происходящим, как хозяйка тут же появлялась рядом, нависала над девочкой, ханжески поджав тонкие губки. Она никогда не бывала довольна, никогда не хвалила Эржебету. Лишь поучала, воспитывала, осуждала, приказывала. Зудела, как комар, которого хотелось прихлопнуть.

К концу дня Эржебета уже всей душою ненавидела будущую свекровь.

³ Слуг обычно пороли на конюшне.

К концу недели она ненавидела замок, со всеми домочадцами.

К концу месяца ненавидела самую жизнь.

К концу лета она поняла, что все ее горести суть пушинки одуванчика, дунь – и разлетятся.

Потому что на свете есть Ференц.

Он влетел в ворота на гнедом скакуне. Соскочил, кинул поводья конюху, быстро пошел через двор. Эржебета вместе с Оршолей вышла на крыльцо, жадно разглядывала юношу, о котором прежде лишь слышала.

Он был высок и широкоплеч, кудрявые черные волосы опускались на воротник зеленого кафтана. Черные, почти как у Эржебеты, глаза смотрели колюче. Смуглым скуластым лицом, густыми бровями, крупным горбатым носом, тяжелым подбородком Ференц походил на отца, и лишь тонкие губы напоминали материнские.

Он взбежал на крыльцо, поцеловал Оршолю, почтительно поклонился Эржебете. От него пахло конским потом, пылью дорог, полынью, костром... и ко всему этому букету примешивался слабый, едва заметный металлический аромат крови.

Один короткий взгляд, равнодушный, может быть, почти пренебрежительный – но и его хватило, чтобы у Эржебеты подкосились ноги. Ференц был великолепен. Безоговорочно, бесконечно. Это был ее мужчина – сильный, уверенный, жестокий.

В тот момент она и полюбила будущего мужа. Сразу, крепко, навсегда. При одной мысли о нем обдавало жаром, а в животе словно скручивался тугой клубок. Увы, Ференц не торопился отвечать взаимностью. Что ему странный бледный ребенок? Ему, шестнадцатилетнему мужчине, знаменитому воину, через руки которого прошли десятки покорных пленниц с горячими соблазнительными телами?

Как почтительный сын, Ференц не стал возражать матери, которая главным счастьем любого человека мнила крепкую семью. В самом деле, почему бы нет? Эржебета обещала вырасти в красавицу. Да она и сейчас была красавица. Зная мать, он был уверен: все странности девочки вскоре будут уничтожены. Ну, а соблазнительные формы... Ференц надеялся, что и это – дело наживное. В конце концов, свадьбу играть лишь через четыре года.

Спустя неделю он уехал, расцеловав мать, небрежно кивнув нареченной, оставив ей сладкие воспоминания и надежды. Эржебете казалось, теперь никакие назидания Оршоли не выведут ее из прекрасного мечтательного состояния.

Не тут-то было! Заметив, какое впечатление произвел Ференц на юную невесту, Оршоля удвоила усилия по воспитанию, не забывая в конце каждого поучения добавлять что-то вроде:

– Ты должна быть достойна такого мужа как Ференц...

– Ференц, несомненно, будет доволен твоими успехами...

Это вызывало у девочки приступы ярости. Ей хотелось заорать: «Он и так будет мой, без твоих глупых наставлений! И плевать мне на то, как пересыпать белье лавандой!» – схватить нож, вонзить его в горло Оршоли. Она так ярко представляла себе, как мать Ференца будет захлебываться собственной кровью, что на мгновение становилось легче. Жажда убийства, ненависть отступали. Впрочем, лишь до очередного нудного поучения.

Вся жизнь Эржебеты в Шарваре была борьбой с ненавистью. Спасалась юная невеста лишь в библиотеке. Как ни странно, туда Оршоля подолгу не лезла с замечаниями. В семействе Надашди уважали образование, и стремление девочки к знаниям было приятно будущей свекрови.

Только вот Эржебета, оставшись в одиночестве, усаживалась за стол и предавалась грезам о любимом Ференце. Вдоволь намечтавшись, вместо богословских книг или философских трактатов выбирала спрятанные на дальних пыльных полках труды по алхимии и медицине, принималась их старательно штудировать.

В замке Шарвар она сделала для себя множество удивительных открытий. Узнала, чем металлы отличаются от остальных веществ, что такое акцидентальные и эссенциальные формы, и как от красной серы и живого серебра зачинается в чреве земли золото. Что есть четыре тинктуриальных духа, и в чем разница между эликсиром и ферментом, и каковы истинные имена веществ, и какие хвори можно излечить с помощью корня мандрагоры, выкопанного из-под ног повешенного.

Ей хотелось выбеливать квасцы, готовить универсальную соль и винный камень, заниматься возгонкою киновари и делать еще огромное множество вещей, описанных в старинных трактатах. Но для этого требовалась лаборатория. Так что пока Эржебета лишь осваивала теорию, копила знания на будущее.

Когда же наконец Оршоля все-таки прерывала ее занятия, призывала к изучению домашнего хозяйства, девочка скрипела зубами от ненависти, мечтая залить ей в глотку расплавленный свинец или от души подсыпать в еду мышьяка.

Это же советовал сделать и Черный человек, который по-прежнему являлся к Эржебете каждое полнолуние.

Глава 3

Владивосток, май 2012 года

Осведомитель скинул мне протоколы опознания, осмотра мест происшествия, опросов родственников потерпевших и свидетелей. Этого вполне хватило, чтобы представить безрадостную для меня картину. Никто ничего не видел, никто ничего не знал. В первом случае родители не подозревали об увлечении детишек, по сути произошедшего ничего сообщить не смогли, никто не видел, как подростки лезли в подземелье. Во втором – убили немолодого мужика, который вечером вышел из подъезда к ларьку, и тоже никаких свидетелей не нашлось.

Можно было бы попытаться счастья самому, но мое появление с расспросами вызвало бы подозрения, а начальство велело не высовываться.

Я решил сосредоточиться на местах преступления: эксперты там уже поработали, все что положено – собрали, никому мое появление помешать не могло. Мне же нужны были несколько иные улики – упирины следы, заметные только глазу чистильщика.

Первым делом поехал на Гоголя, туда, где произошло первое убийство. Долго крутился между домами, искал вход в подземелье.

Владивосток построен на сопках, поэтому здания во многих районах стоят одно над другим. Между ними – лестницы для удобства пешеходов. Весь город в них. Здесь даже байка есть такая: мол, местные девчонки такие стройные и ногастые, потому что вся их жизнь – сплошная тренировка. Может, это только шутка. Но тучных людей во Владивостоке действительно мало, не выдерживают они пробежек по лестницам при стопроцентной влажности. И девушки здесь вправду хороши.

Огибая сопки, серпантином вьются дороги, от них ответвляются подъезды к каждому дому. Окна нижних этажей выходят на заросшие травой склоны, из которых часто торчат люки, трансформаторные будки, какие-то другие хозяйственные постройки. Встречаются и бомбоубежища – старые совсем, полуразрушенные.

Одно такое, почти на самом верху сопки, стало местом гибели двух подростков. Я с трудом его нашел – три раза проехал мимо провала в земле, из которого торчал осколок бетонной плиты. Наконец догадался заглянуть, оказалось, за дыркой находится неплохо сохранившийся коридор.

В лицо пахло сыростью. Неудивительно: дождь лил не переставая уже месяц, и от полного затопления бункер спасала только плита, козырьком нависавшая над входом. Я вернулся к машине, взял фонарь, колыт, и уж тогда полез в подземелье.

Под ногами чавкала жидкая вонючая грязь. Сделав несколько шагов, я остановился. Вот здесь они лежали, судя по фотографиям с места происшествия.

Конечно, никаких видимых следов не осталось – ни пятен крови, ни меловых контуров. Даже если что было, все сожрали грязь и плесень. Я водил фонариком, внимательно осматривая стены и потолок. Ничего. Только интуиция, которая утверждала: здесь был упырь.

Двинулся вглубь. Узкий коридор забирал чуть вверх, оттого дальше было суше, шагов через двадцать грязь исчезла. Зато теперь появилось много следов людей, которые в начале подземелья испачкали обувь. Отыскать среди них отпечатки ног подростков было бы затруднительно.

Напади на них вампир, и он оставил бы следы самых обычных подошв. Но вурдалак – а я подозревал именно его – вряд ли был в ботинках или кроссовках. Обычно оголодавшие до потери человеческого обличья упыри избавляются от одежды и обуви.

Я несколько раз прошел по подземелью туда-обратно, подсвечивая себе фонарем и время от времени наклоняясь в попытке найти отпечатки звериных лап. Ничего. Потом осмотрел стены и потолок. Тоже безрезультатно.

В очередной раз добравшись до глухой стены в конце, я задумался. Тварь не могла не оставить следов. Забравшись в подземелье, она непременно вляпалась бы в грязь, да пошла печатать лапы на полу. Или на стенах и потолке – упыри умеют и по ним ходить.

Если же ничего нет... получалось, вурдалак не входил в бомбоубежище. Откуда же он тогда взялся? Материализовался из спертого воздуха? Такое только в сказках бывает.

Я снова принялся осматривать, ощупывать и простукивать стены, пытаюсь найти лаз, потайной ход или хоть малую щелку. На эту работу ушло несколько часов. Так ничего и не обнаружив, но изрядно проголодавшись, направился прочь. Скорее всего, если вурдалак – киан-ши, то он влетел в тоннель. Хотя это и затруднительно, при их размахе крыльев.

До выхода оставалось несколько шагов. Вдруг пятно тусклого света пересекла быстрая тень. Снаружи кто-то был.

Я вынул кольт, медленно двинулся вдоль стены, стараясь ступать бесшумно. Правда, из-за хлюпающей грязи не очень хорошо получалось. Остановился у самого выхода, прислушался.

– Вылезай давай, – совсем рядом сказал низкий мужской голос.

– Пока мы сами не спустились и тебе по башке не настучали, – подхватил веселый тено-рок.

Осторожно выглянув, я увидел двух парней в камуфляже и кепках, на которых были укреплены фонарики. Диггеры. Они стояли всего в двух шагах от лаза. Увидев оружие, ребята напряглись.

– Спокойно, мужики, – я развернул сыщицкие корочки, показал им.

– Опять из полиции, что ли? – пробасил, нахмурившись, крепыш лет тридцати. – Мы уже все рассказали.

– Не, он частный детектив, – возразил второй, высокий и худощавый.

– Меня наняли родители потерпевших, – нахально соврал я, убирая кольт.

– Понятно, – кивнул крепыш, – полиция-то вряд ли что найдет.

– Угу, они на медведя велят, – невесело хохотнул худощавый. – Медведь, надо же...

– А вы в медведя, значит, не верите?

– А ты веришь? – худощавый кивнул в сторону подземелья. – Это вот что, на берлогу сильно похоже? А улица – на тайгу? Да и вообще...

Коренастый неодобрительно покосился на товарища, тот осекся.

– Если что-нибудь знаете или догадки какие есть, расскажите, – попросил я. – Сами понимаете, у людей горе... Это же вы нашли тела?

Крепыш немного помялся, но все же ответил:

– Мы. То есть, сначала-то подземелье нашли, неделю назад примерно. Спуск решили немного отложить, всем некогда было. Ну а позавчера пришли, и вот... подарочек.

– Полицейские из нас уже всю душу вытрясли, – добавил худощавый. – Мы им все рассказали, и не по разу.

Я проговорил с парнями около получаса, ничего нового не узнал. Одни смутные догадки. Подростки были «дикарями» – так диггеры из клуба называли любителей-одиночек.

– Лезут, понимаешь, куда ни попадя, – сердито говорил крепыш, который представился Денисом. – Ни опыта, ни подготовки, ни снаряжения. Фонари, и те лажовые!

– А мы их потом вытаскивай, – поддакивал худощавый, Андрей. – Хорошо если успеваем. Думаешь, это первые покойники?

– Ну, такие-то первые, – поправил Денис. – Обычно все без криминала: «дикарь» заблудится или бомж какой своей смертью помрет. Так что на трупы мы насмотрелись. Но чтоб такое...

– Нечисто с ними, – серьезно сказал Андрей.

– В каком смысле?

– Ну... не человек их убил. И не зверь.

– А кто? – я изобразил удивление.

Дигтеры переглянулись, помолчали. Потом Денис протянул:

– Не знаю... Но понимаешь, под землей чего только не бывает. Дигтерские байки тоже не на пустом месте появляются.

В общем, так я от них ничего конкретного и не услышал. Мне поведали легенды о Белом старике, о странных невидимых стенах, о блуждающих тоннелях. У парней не было ни фактов, ни аргументов – ничего, кроме интуиции. Как и у меня...

За время беседы я успел изрядно промокнуть под дождем, так что с удовольствием залез в уютное нутро джипа и покати́л на место второго преступления.

На Молодежную прибыл уже около пяти. Нашел нужный дом, въехал во двор, припарковался, осмотрелся.

Дом как дом – пятиэтажный, кирпичный, советской постройки, с просторным двором, который окружен высокими дубами. Зеленые газончики, клумбы и скамейки возле подъездов, детская площадка с грибом и простенькими качелями. Чисто, спокойно, сразу видно, жильцы здесь постоянные, основательные. И наверняка все друг друга знают...

Я снова выбрался под дождь. Детворы на площадке не было, зато на лавочке под грибом сидели три пожилых мужика. На аккуратно разложенной газетке перед ними стояли бутылка водки, три пластиковых стакана, лежали огурцы и нарезанный крупными ломтями хлеб. Казались, ливень им ничуть не мешает. Как раз когда я подошел, мужики выпили и с удовольствием принялись закусывать.

– Приятного аппетита, – пожелал я.

– Садись с нами, – гостеприимно предложил толстенький дядька в белой кепке.

– Спасибо, я за рулем. А вы что ж в такую-то погоду?..

– Соседа поминаем, – словоохотливо ответил толстяк. – Убили вчера Петровича нашего.

Не слышал?

– Да вы что? – я изобразил крайнюю заинтересованность. – Наркоманы небось?

– Кто ж их знает, – вмешался второй пенсионер. – У нас разве найдут...

Все же в работе с пожилыми людьми есть свои плюсы. Конечно, у них часто и память не та, и логика подводит, зато они охотно идут на контакт. Дефицит общения. Часто хватает обычного внимания, чтобы старики доверчиво выложили незнакомому человеку все, что знают.

А эти еще и подпили. В общем, даже не пришлось представляться и показывать удостоверение. Я и без того обогатился множеством подробностей о жизни и смерти неведомого мне Федора Петровича. Правда, ничего по существу не узнал. Кроме того что вышел Петрович поздно вечером за сигаретами – вот не спалось ему, да так назад и не зашел...

– А ты чего хотел-то? – спохватился наконец один из поминающих.

– Спросить, где тут магазин поблизости. Проезжал мимо, хотел сигарет купить...

– Тоже сигарет, – насупился пьяненький толстяк. – Бросал бы ты это дело, парень. Курить вредно. За это вон даже убивают...

– Все будет хорошо, отец, – невпопад ответил я, разглядывая пятиэтажку.

Многokвартирный дом, десятки жильцов. Неужели никто ничего не видел и не слышал? По опыту знаю, обычно всегда находится какая-нибудь старушка с бессонницей или подростки, тискающиеся в подъезде. Только вот чаще такие неохотно говорят. Боятся.

Я решил предпринять поквартирный обход – мало ли, вдруг да повезет? Тут взгляд зацепился за белое пятно в окне третьего этажа. Из-за плотной шторы выглядывал человек, смотрел на меня. Встретив мой взгляд, не отвернулся и не отошел, продолжал глазеть.

– Это кто? – я ткнул пальцем в наблюдателя.

– Альбертыч, – пренебрежительно отмахнулись мужики, уже утратившие ко мне интерес. – Он тут вроде местного сумасшедшего.

Человек продолжал смотреть.

Местный сумасшедший – это хорошо. Это очень хорошо. Такие всегда много знают и много говорят...

Прикинув, где находится квартира безумного Альбертыча, я отправился туда. Поднявшись на третий этаж по обшарпанному, но чистенькому подъезду, нажал кнопку звонка.

Мне долго не открывали, но я продолжал звонить. Наконец дверь неохотно приотворилась, из-за нее выглянула хмурая женщина средних лет.

– Мне бы Альбертыча, – как можно лучезарнее улыбнулся я.

– Отец болен. Плохо себя чувствует, – отчеканила баба.

Дверь стала закрываться, но тут из квартирных глубин раздался дребезжащий голос:

– Ксюша, пропусти товарища!

Женщина замешкалась, а я осторожно, но решительно потянул дверь на себя:

– Позвольте пройти...

– Что вы делаете? – беспомощно проговорила тетка мне в спину, когда я все же ввинтился в узкий коридорчик и двинулся на старческий голос. – Отец в маразме, а вы... чего вы от него хотите?..

– Как всегда распространяешь дезу, доченька, – спокойно возразил из комнаты старик. – А ты входи, входи, боец.

Он сидел у окна в инвалидной коляске, спиной ко мне, так что я видел только его сутулые плечи и седой, всклокоченный затылок.

– Здравствуйте, – я достал визитку, подошел ближе, представился.

Дед развернул кресло, взял карточку, прочел вслух:

– Иван Тарков, частный детектив... – и принялся буравить меня тяжелым взглядом. Удовлетворившись осмотром, кивнул: – Альберт Альбертыч Онойко, Комитет Государственной Безопасности, полковник в отставке.

Он был болезненно тощ, даже изможден. С бледного лица, изрезанного морщинами, пронизательно смотрели яркие глаза. Казалось, только они и были по-настоящему живыми. Альбертыч усмехнулся, показав крепкие желтоватые зубы:

– Ну что, боец, свидетеля убийства ищешь?

– Вы что-то видели?

– Видел. Все видел, от начала до конца, – старик отодвинул плотную штору, указал на подоконник.

Я едва не присвистнул. Арсенал у деда был впечатляющий: армейский бинокль, фотоаппарат, подозренная труба, очки ночного видения... Полковник в отставке явно продолжал заниматься любимым делом.

– Неужели сфотографировали?

– Нет, не удалось, – ответил Альбертыч. – Улетела она.

– Кто она?

– Чупакабра, – спокойно отвечал дед.

Он всматривался в мое лицо, пытаясь найти признаки недоверия или удивления. Но я чего-то подобного и ожидал, так что взгляд его встретил прямо и попросил:

– Может, подробнее расскажете?

Альбертыч принялся излагать – сухо, четко, подробно. Повезло мне со свидетелем.

– В двадцать три сорок семь Петрович вышел из подъезда и двинулся через двор, скорее всего, в киоск на углу, за сигаретами. На него сверху упало странное существо. Оно было похоже на летучую мышь, только очень большую, с человека величиной. Размах крыльев – метра два, наверное. Чупакабра эта стала рвать Петровича...

Значит, все же оголодавший киан-ши. Ни у одного клана больше нет крылатой ипостаси.

– Что ж в полицию не позвонили?

– А кто мне поверит? – горько усмехнулся Альбертыч. – На мои вызовы и не поедет никто. Меня ж все чокнутым считают. Раньше я пытался сотрудничать. У меня хоть ноги не ходят, а башка варит еще, да и глаза не подводят. Давайте, говорю, ребята, я у вас бесплатным осведомителем буду. Да так просто, чтоб пользу приносить. Не, не надо ничего. Я, дурак старый, то об алкашах сообщал, которые под окнами орут, то о ворах вон. То и дело ведь машины разувает... Не хотят моей информации...

Старик оказался упорным. Стал вызывать участкового, писать заявления. Тот традиционно обещал разобраться, но все кончилось тем, что Ксюшу попросили унять бдительного чекиста.

– Дочка телефон на ночь прячет, – Альбертычу было стыдно признаваться в своей беспомощности. – Ксюха, она неплохая баба. Несчастливая только, одинокая. Да и трудно ей со мной, инвалидом...

Мне стало жаль деда:

– Вы не переживайте так, товарищ полковник. Даже если бы вам удалось вызвать полицию, Петровичу это не помогло бы.

В глазах деда зажегся огонек азарта:

– Гляжу, боец, ты знаешь, что это за зверь?

– Упырь это, товарищ полковник. Обычный упырь. Вурдалак.

Альбертыч поверил моментально. Впрочем, почему ему было не поверить? Существование чупакабры он ведь допускал.

– Вон оно как... Значит, повезло мне, – задумчиво произнес он. – Упырь-то и меня хотел сожрать.

Заметив старика, который бесстрашно наблюдал за ним сквозь инфракрасные очки, тварь рванулась к окну.

– Все, думаю, полковник Онойко, вот и пришла тебе хана, – делился Альбертыч. – Но почему-то стекло никак не разбивалось. Как будто бронированным сделалось. Хотя на самом деле-то обычное...

Я рассеянно поддакнул. Все приметы сходились.

– А скажите, товарищ полковник, он вам ничего не говорил? Может, голоса какие в голове слышали?

– Чупакабра-то? – Альбертыч упорно именовал вурдалака привычным прозвищем. – Говорила, а как же. Как будто без слов приказывала: впусти, мол, впусти...

– А вы что?

Дед презрительно хмыкнул:

– Да ничего. Не таких еще на допросах ломал. Побилась да улетела. А я спать лег.

Силен старик. Видна старая закалка...

– Ну хорошо. А утром, когда полиция приехала, чего ж вас не допросили? Знают же, что вы за двором наблюдаете.

– А я не сказал, – гордо заявил Альбертыч. – Дорога ложка к обеду. И потом: ты что, думаешь, эти, с одной извилиной, и той от фуражки, в чупакабру поверят? Решат, совсем Альбертыч чокнулся. Да и Ксюха только рада будет меня в дурку отправить. Не-е, я такого повода не дам. Тебе вот только и рассказал. Ты парень уважительный и здравомыслящий.

– Спасибо, Альберт Альбертович.

Я задумался. Старику грозила вполне реальная опасность, гораздо серьезнее, чем психушка. Одичавший вампир мог вернуться и добить упрямого свидетеля. А скорее, сородичи упыря захотят прикрыть его милые шалости, как это уже было три года назад с Диониссио Делла Торре.

– Скажите, товарищ полковник, вы в бога верите?

– Отродясь не верил, – усмехнулся Альбертыч. – Я старый чекист, а чекисты ни в бога, ни в черта не верят. Вот только в чупакабру...

Плохо, старик, очень плохо. Бог-то как раз тебя и мог бы защитить...

– Ясно. Ну, а серебряные вещи в доме есть? Желательно пробой повыше.

– Ксюха! – гаркнул дед. Когда недовольная дочка заглянула в комнату, приказал: – Тащи-ка серебряные приборы. Те, старинные, которые отец еще у буржуев конфисковывал...

Не уточняя, почему серебро оказалось не в государственной собственности, а в доме потомственного чекиста, я осмотрел принесенные вилки и ножи. Действительно, старинные. Высокое содержание серебра.

– Товарищ полковник, – сказал я, когда женщина вышла. – Вы в серьезной опасности. Упырь может вернуться.

– Инструкции? – деловито уточнил чекист.

– Ни в коем случае никого не впускать в дом. Помните, что упыри могут быть и в человеческом облике.

Альбертыч изумленно присвистнул.

– И всегда держите при себе серебряные ножи, – добавил я. – В случае чего, ими можно даже убить упыря.

– Все сделаю, не волнуйся, боец, – заверил дед.

Я пожал чекисту руку и вышел, провожаемый недовольным взглядом его дочери.

Пенсионеров во дворе уже не было – возле грибка сиротливо мокла под дождем газета с огрызками хлеба. Я уселся в машину, прежде чем тронуться, взялся за айфон. Пошарил по местным сайтам: новостные ленты, форумы, где тусуются всякие малахольные любители мистики...

Заголовки последних новостей порадовали новизной: «Гигантский нетопырь в небе над Владивостоком!» «Сенсация: в городе появилась чупакабра. Матери боятся выпускать детей на улицы».

Форумы тоже не отставали, изошряясь в домыслах.

«здоровый крылатый над парком лител. чуть не здох со страху. чисто бэтман. Мож он и есть.»

«Какой, простите, бэтмен? Это мутант, очевидно же. Китай нас травит пестицидами и радиацией. Вот и мутируют животные...»

Дальше выдвигались версии о секретном оружии, испытании особых костюмов китайского спецназа и – куда уж без них, об инопланетянах. И такого бреда целые гигабайты.

Выезжая со двора, я зло усмехнулся. Форумчанин, предположивший в звере китайского военного, оказался ближе всего к истине. Сомнений никаких: это киан-ши. Что ж, убитых, конечно, жаль, но им уже не помочь. Зато поквитаться можно. Сам факт нападения китайских упырей на мирных жителей был мне на руку. Хватит уже миндальничать с дохлятиной!

Чистильщики всей душой ненавидят проклятых, это закладывается в нас с самого детства. А как иначе? Ведь у каждого упыри убили кого-то из близких. И почти каждый охотник рано или поздно сам погибнет в драке с вампирами. Такая судьба.

Поэтому будь наша воля, мы б их днем и ночью били. До последнего. Если бы не святые отцы. У этих на первом месте политика, дипломатия, интриги, высшие цели... Не подчиниться нельзя – чистильщики связаны клятвой верности. Вот и приходится ждать, когда родимая церковь даст отмашку – можно, мол, валяйте, ребята. Но теперь церковникам не отвертеться, условия перемирия нарушены, пора начинать войну...

За размышлениями не заметил, как подъехал к Радово. В прошлом году РПЦ выкупила для меня дом покойного Харитонов, сочтя его идеальной штаб-квартирой для охотника. Место, конечно, приметное и всем упырям известное, но мне сейчас и не требовалось прятаться. Я скорее играл роль официального представителя церкви, гаранта спокойствия.

Хотя, подумалось мне, начинается война, и скоро все изменится...

Все изменилось даже раньше, чем мне представлялось. Еще на подъезде к дому я услышал душераздирающий вой Вана, Хель и Синга. Так голосить натасканные на упырей псы могли только в одном случае.

Перед воротами, метрах в двух от земли, трепеща нетопырьими крыльями, порхал китайчонок лет четырех. Кроме памперса и эргэемника, на херувимчике ничего не было.

Киан-ши умеют поразить воображение...

– С-с-тильно, с-сука... – прошипел я, выворачивая руль.

Жахнуло под правым колесом. Паджерик повело и опрокинуло на бок, в кювет, легкого пацана отдачей отнесло на посеребренную «колючку», в которой прятались провода под напряжением. Тело упыреныша разлетелось на тысячи кусков, окровавленный памперс шмякнулся на лобовуху.

Бронированный джип легко выдержал встряску. Я тоже. Только вот вытащить машину из кювета самостоятельно было без шансов. Я подхватил оружие, выбрался наружу и рванул к воротам, на ходу доставая из кармана пульт.

Не успел: над головой раздались дикие вопли и свист падающих тел. Упыри пикировали на меня с подплывшего дождем неба, как стая воронья. Хлопали на ветру крылья и кожаные плащи, выли за забором, безумея от беспомощной ярости, чующие нежить псы, киан-ши отвечали им задорным визгом.

Прижавшись спиной к воротам, которые так и не успел открыть, я выстрелил из кольта в того, кто подлетел первым. Черноволосая башка взорвалась фонтаном крови и мозгов.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий – проорал я, поливая упырей из водяных пистолетов, – огради мя святыми Твоими ангелы и молитвами⁴...

Еще два киан-ши свалились на землю и забились в конвульсиях. Их кожа дымилась, невидимое пламя пожирало не-мертвые тела, и никакой дождь не мог потушить его.

– Всепречистыя Владычицы наша Богородицы...

Молитва изгнания нечистой силы действовала на киан-ши, как дихлофос – на мух. Косоглазые физиономии искажались болью, крылья слипались, и твари падали мне под ноги. Я добивал их серебряными пулями и святой водой.

– ... и Приснодевы Марии, Силою Честнаго и Животворящаго Креста... а-а, зассали, сучье отродье!

Почувяв, что просто так со мной не справиться, упыри отступили. Одни взмыли в воздух и растворились в низких тучах, другие рассыпались вдоль забора.

– ... святого архистратига Божия Михаила...

Он появился из-за машины и двинулся ко мне, ступая неуклюже, словно космонавт по лунному грунту. Костюм химзащиты сковывал его движения, зато отлично защищал от святой воды. Похоже, молитва на упыря тоже не действовала. Если это был упырь, конечно.

– ...и прочих Небесных сил безплотных, мать твою!

Бесполезно. Существо неумолимо приближалось. И пуля из кольта его тоже не остановила: видно, под резиновым костюмчиком имелся еще и броник. Святая вода безобидно скапывалась по гладкой поверхности. Чучело в резинке издевательски помахало мне левой рукой, правой поднимая странную штуковину.

Что-то просвистело в воздухе, кольнуло в шею. Дротик. В голове помутилось. Отравленный.

– ... святого... Пророка... – выговорил я немеющими губами.

⁴ Православная молитва о защите от нечисти (Молитвослов).

Существо откинуло капюшон, стащило защитную маску, и я увидел довольно улыбающуюся физиономию одного из близнецов киан-ши, которого два года назад не добил возле особняка делла Торре.

Я сполз на землю, да так и застыл, прислонившись к воротам. Дыхание остановилось, в ушах звенел отчаянный вой псов. Последнее, что успел зафиксировать взгляд перед тем, как сознание отключилось – черные силуэты в небе. Потом на меня упала крепкая сеть, а мир вокруг перестал существовать.

Из истории рода Батори

Замок Варанно, 8 мая 1575 года от Рождества Христова

Белый шелк и атлас свадебного платья. Белые жемчуга, словно капли перламутровой росы, запутавшейся в черных волосах. Серебристая фата, оттеняющая без того бледную кожу. И – алые, будто нацелованные уже губы.

И безумное пламя в черных глазах. Эржебета не сдерживала его более, не прятала счастье и страсть. Сегодня наконец она станет женою Ференца.

Не было страха ни перед брачной ночью, ни перед будущим. Первую она желала давно, о втором ей все рассказал Черный человек. Эржебета уже научилась бояться.

– Ты готова, дитя? – в комнату заглянула Оршоля, суетливо оправила длинный, и без того ровно лежащий шлейф. – Хороша. Бледна только что-то...

Цвет лица будущей невестки расстраивал Оршолю. Она боялась: не гнездится ли в чреве девушки какая-нибудь болезнь, из-за которой Эржебета не сможет родить наследников? Да и что за красота в бледности?

– Сейчас, дитя, – госпожа Надашди ухватила невесту за щеки, ущипнула.

Не помогло. Не появилось румянца. Эржебета, словно норовистая кобылка, зло покосилась на старуху. Избавиться бы от тебя, серая, скучная, неумная. Постылая...

Она строптиво вскинула голову, шагнула к двери – высокая, тонкая, напряженная, как струна. Слуги распахнули створки, и Эржебета вышла в залу, где уже ждали гости, жених и священник. Летела к нему, к Ференцу, только на него смотрела. Словно собою всю красоту, все счастье мира хотела жениху вручить.

Гости восхищенно перешептывались, разглядывая невесту, прелестную во всем блеске и расцвете ее пятнадцати лет. И лишь в глазах одного человека застыла странная, удивленная тоска.

Уже потом, после церемонии, Ференц подвел ее к невысокому худощавому юноше:

– Позволь представить тебе, любезная жена. Мой лучший друг – Дьёрдь Турзо. Отчаянный рубака, славный воин, а еще царедворец и мудрец, книжная душа...

Расхохотавшись, хлопнул товарища по плечу и ушел, увлекая за собою молодую жену. А Дьёрдь смотрел ей вслед, беспомощно и незащитно. Так он будет смотреть на Эржебету всю жизнь...

Она не запомнила тогда. Что ей какой-то мальчишка с больными глазами, когда рядом Ференц – такой сильный, такой грубый, такой желанный?

Замок Варанно утонул в ночи. В залах продолжалось веселье, не умолкали песни, не утихали танцы, а молодую уже отвели в супружескую спальню. Агнешка с Пирошкой мялись возле дверей, ожидая, когда старшая горничная позовет раздевать невесту.

Эржебета сидела на краю огромной кровати, смотрела в зеркало, взгляд черных глаз ее был неподвижен.

– Не шелохнется даже, – шептала Агнешка, – не вздрогнет, не заплачет. Бесстыжая.

– Да бог с тобою, Агнешка, – Пирошка даже задохнулась от возмущения. – С чего барышне стыдиться-то? Венчанного мужа ждет, не любовника какого.

– Девка на то и девка, чтоб стыдиться, – поучительно сказала Агнешка. – Вот тебе в первый раз небось совестно будет?

Пирошка ойкнула, прижала ладони к заалевшим щекам.

– Вот и выходит, что не девка она уже, – сплетничала Агнешка. – Видать, Ердугу не только душу, а и тело отдала. Лидерка она!

– Опять ты за свое, – рассердилась Пирошка.

– Вот увидишь, скоро молодой господин начнет чахнуть, а потом и помрет! – страшала Агнешка.

– Кыш, сороки! – к двери подошла старшая горничная, ведя за собою еще служанок. – Ступайте к молодой госпоже.

Раздевали невесту торжественно, как полагалось по обычаю. Под протяжные песни сняли покров из вуали, расшнуровали тугой корсаж, стянули платье, оставив Эржебету в рубаше из невесомого шелка. Расплели длинные косы.

Агнешка, расчесывая смоляные волосы, слишком сильно дернула прядь. Эржебета развернулась, изо всей силы ударила девку по щеке. Лицо молодой госпожи при этом оставалось бесстрастным, лишь во взгляде появилось ленивое любопытство. Агнешка шепотом вскрикнула, но слезы сдержала.

Невеста стояла посреди спальни, нетерпеливо дожидаясь, когда служанки, нагруженные ее одеждами, уйдут прочь. Как только за последней девкой закрылась дверь, Эржебета кинулась к шкафу, достала из дальнего угла крохотную склянку с рубиновой жидкостью.

Это зелье она тайком от Оршоли сварила в подземелье замка Шарвар. Любовно подбирала ингредиенты, выпаривала и процеживала. А потом месяцами настаивала, наблюдая, как вызревает сладкий яд.

Подошла к столику, на котором горели свечи в тяжелом канделябре, стояли два кубка и кувшин с вином.

– Каплю Эржебете, – шептала она, наклоняя склянку над кубком. – Всего каплю, чтобы уменьшить боль. И ему... две... три...

Он придет пьяный, разгоряченный вином. Этого хватит, чтобы немного укротить жар. До времени...

Девушка прикрыла глаза. Губы ее зашевелились, беззвучно произнося слова то ли заклинания, то ли молитвы.

За дверью раздались тяжелые шаги. Вошел Ференц. Его заметно пошатывало, взгляд блуждал, на губах играла довольная улыбка. Эржебета замерла возле столика, вдыхая такой знакомый, такой любимый запах – мужского и конского пота, костра, полыни, с едва заметным оттенком крови...

Ференц смотрел на молодую жену – черные волосы тяжелым плащом окутывали ее плечи, тонкая материя рубашки не скрывала высокой груди, слишком пышной для хрупкого тела. Стиснув зубы, Ференц шагнул к девушке, схватил ее в охапку, грубо прижал к себе.

Не ждал – требовал, не ласкал – насиловал... Только Эржебета не боялась. Кто мог научить ее Ференца любить? Покорные пленницы, жалкие обозные шлюхи?

Она приблизила свои губы к его, словно желая поцеловать, и шепнула:

– Подожди...

Извернулась всем тонким телом, заскользила вниз – прижимаясь лицом к его груди, животу, чреслам. Ференц тяжело задышал, ослабил хватку. Девушка гибко опустилась перед ним на колени, но тут же прыгнула назад и вскочила. Зарывав от разочарования, Ференц рванулся за женой.

– Не спеши, любимый...

Эржебета подбежала к столику, плеснула вина в кубки – одна капля зелья себе, три Ференцу... Глотнула сама, протянула мужу:

– Выпей, прошу.

Он хотел было отшвырнуть тонкую руку с чеканным кубком, да не стал. Что-то было в глазах Эржебеты, в изгибе губ – властное и в то же время призывное, почти чарующее. Ференц усмехнулся – блажь бабья, пусть ее. Схватил кубок, осушил его в два глотка, бросил в сторону.

– Теперь иди сюда! – подался вперед, чтобы схватить жену.

Но Эржебета снова отскочила, легким призраком заскользила по комнате, смеясь и уворачиваясь от его рук. Нужно подождать, пока подействует зелье.

Ференц погнался за нею, все больше распаляясь, не в силах отвести взгляда от нежной линии позвоночника, маленьких ягодиц, стройных ног, которые не могла скрыть тончайшая рубаха.

Ее быстрый бег, русалочий смех, легкое дыхание горячили Ференца все сильнее. Но вместе с тем в душе поднималась душная злоба. Как смеет ускользать, убегать, не подчиняться мужу? Да еще и насмехается над ним, маленькая дрянь. Над кем? Над самим Ференцем Надашди, которого боятся даже друзья, а враги за жестокость зовут Черным беем. А уж бабы...

Никогда бабы не перечили ему, не отказывали...

– Поди сюда! – взревел он.

Эржебета даже не оглянулась, только звонче расхохоталась. Игра слишком увлекла ее, заставила забыть об осторожности. Ференц совершил длинный звериный прыжок, схватил девушку за плечо, развернул к себе, наотмашь ударил, стирая улыбку с бледного красивого лица.

В уголке капризных алых губ показалась багровая капля. Набухла, протянулась к подбородку тонкой блестящей струйкой. Эржебета, вопреки ожиданиям мужа, не заплакала, не обмякла в его руках. Не сделалась покорной. Лишь жадно вдохнула запах собственной крови.

Ференц швырнул ее на кровать, рванул рубаху, до боли сжал грудь. Взглянул в лицо жены и на мгновение остановился, удивленный: Эржебета улыбалась. Потом вдруг змеино дернула головой, оскалив маленькие, испачканные красным зубы. Впилась в губы мужа то ли поцелуем, то ли укусом. Ощувив боль, Ференц зарычал, с трудом оторвал от себя малахольную девку. Из прокушенной губы капала кровь.

Снова занес над непокорной руку, да так и не ударил.

– Не надо, – мягко попросила Эржебета. – Я сама...

Он почему-то поверил, не стал бить, отпустил.

Девушка поднялась на колени, скинула изодранную рубаху и склонилась над ним, покрывая поцелуями лицо. Теперь ее соленые губы стали нежными, тело – податливым.

Эржебета опустила ниже, осторожно касалась шрамов, покрывавших его грудь, плечи, живот... Этот, маленький, круглый, от стрелы, наверное. Этот, уродливый, похожий на перекрученную веревку – вражеская сабля оставила? Как жить, когда он уйдет туда, на войну? Как не умереть без него?

Темные глаза наполнились слезами.

– Не сердись, Ференц. Прости, мой Черный бей, я буду повиноваться тебе... буду хорошей женой...

Он ощущал вкус крови – ее, своей? Алая влага смешивалась, расцвечивая их кожу, стекла на простыни, оставляя причудливые разводы.

Ференц больше не сдерживался, не был ласковым – не умел. Рывком подмял жену под себя, грубо овладел ею, задвигался быстро. Эржебета резко выдохнула. Зелье подействовало. Почти не больно. И пыл Ференца не растрочен впустую.

Она не стонала – рычала хрипло, зверино, выгибаясь под ним на окровавленных простынях, подставляя под поцелуи-укусы нежную грудь, и сама кусала его за шею. Старая родительская кровать, за много лет привыкшая к покою и тишине, содрогалась, ходила ходуном, грозя развалиться.

Зелье помогло или любовь к Ференцу... Эржебета ощущала, как тело ее наливается тяжелым жаром, еще крепче прижалась к мужу, готовясь испытать новое, сильное.

Ференц прошептал что-то, кажется, ласковое. Эржебета блаженно улыбнулась, повернула голову и... увидела на подушках, совсем рядом с собой, Черного человека. Он протянул руку, коснулся груди девушки.

Эржебета дернулась. Муж, приняв это за знак наслаждения, сильнее вдавил ее в кровать.

Казалось, пустота в капюшоне Черного человека усмехается. Он склонился над Эржебетой. Целовал ее. Пустотой. Касался бесплотными руками. А потом вошел в нее.

И уже не понять было, что за бесовство творится, и не различить, кто с нею: муж или проклятый демон... Черный бей или Черный человек...

Оба владели ею, обоих она одновременно любила и ненавидела.

Это было так сладко, что Эржебета смирилась. Она закрыла глаза, покоряясь, отдаваясь человекодемону, и закричала от острого ощущения, в котором боль смешалась с удовольствием.

Замок Чахтице, июнь 1575 года от Рождества Христова

– Тебе нравится, любимая? – спросил Ференц, широко поводя рукою.

Усталые кони нервно прядали ушами, ждали отдыха, кормежки. Супруги Надашди приехали сюда верхом, окруженные гайдуками. За их спинами на дороге теснились повозки с вещами и прислугой.

Эржебета смотрела на замок, мрачный, серый, стоявший на самой вершине голого холма. Он походил на родной Эчед – толстыми глухими стенами, приземистостью, надежностью...

Чахтице был окружен лесами, такими же глухими, мрачными, таинственными, как он сам. Здесь, в этом замке на границе Австрии и Венгрии, ей суждено провести жизнь и узнать смерть. А выбора никто не дал...

– Он прекрасен, Ференц, – искренне произнесла Эржебета.

– Я купил его для тебя. Императорское казначейство согласилось уступить его за восемьдесят шесть тысяч флоринов. Теперь это наш дом, – Ференц обнял молодую жену, тихо добавил: – когда-нибудь он станет домом нашим детям...

Надашди махнул рукою. Гайдуки с гиканьем послали коней вперед, кавалькада потянулась к замку по каменистой дороге...

Весь медовый месяц Эржебета купалась в счастье. Ференц был с нею, и ночи их наполняли любовь. А теперь она еще и полновластная хозяйка самого прекрасного карпатского замка.

Только одно омрачало ее дни – внимание Оршоли. Надоедливая свекровь все что-то вынюхивала. Придирчиво разглядывала простыни после первой брачной ночи. Потом сразу же начала присматриваться к Эржебете, выискивая в ней признаки беременности. Молодую графиню не радовала такая назойливость – она чувствовала себя то ли дорогой кобылой, то ли породистой сукой, от которой ждут потомства.

Как назло, ей все не удавалось понести, и в ответ на вопросительный взгляд свекрови Эржебета лишь опускала глаза. А лицо Оршоли становилось все недовольнее. Мол, знала же: с девчонкой что-то не так! Здоровые женщины не бывают такими бледными.

Оршоля ничего не говорила, только плотнее поджимала губы. Когда же сын собрался переезжать в Чахтице, она выказала желание поселиться с молодыми. Ференц обрадовался – будет, кому присмотреть за юной женой, позаботиться о ее здоровье, когда он вернется на войну. Эржебета, узнав об этом, едва не заскрипела зубами. Но смирилась – настолько любила мужа, что никогда ему не противоречила.

Сейчас Оршоля бегала по замку, осматривала комнаты, отдавала распоряжения. Казалось, ее бесцветный визгливый голосок звучал сразу отовсюду:

– Тут надо будет заново обить стены, здесь повесить свежий балдахин. А в кладовых почти нет масла. Запомни, дитя...

Первый день, думала Эржебета. Первый день в замке! Замолчи, дай мне отдохнуть, проклятая!

Ей хотелось лечь, растянуться на кровати, распустить слишком тугую шнуровку корсажа. Отдохнуть, вздремнуть, а потом, проснувшись, долго ласкать Ференца, который уже совсем скоро уйдет на войну.

Вместо этого ей приходилось тенью бродить за неугомонной свекровью. Выручил Ференц, прислал за женою служанку.

– Господин наверху ждут, – робко проговорила тощая носатая девка, кажется, Пирошка. Муж стоял на стене, вглядывался во что-то внизу.

– Смотри, – сказал Эржебете.

Замок окружали цветастые грязные шатры и кибитки, затянутые тряпьем. Вокруг сновали мужчины в ярких рубахах, женщины в неопрятных юбках и шaliaх, полуголые дети. Ржали тощие лошади, гавкали такие же тощие псы.

– Цыгане пришли, – шептала Агнешка, выглядывая из окна галереи. – Семя Ердегово...

От пестрой толпы отделился высокий, толстый мужчина средних лет, стукнул в ворота. Вскоре пришел гайдук, доложил:

– Цыгане говорят, хотят служить госпоже графине...

Ференц нахмурил густые брови:

– Приведи одного.

На стену в сопровождении охраны поднялся тот самый цыган. Грузно опустился на одно колено, проговорил, сдерживая волнение:

– Не вели казнить, госпожа. Меня зовут Джура Фаркаш, я барон табора. Мы явились, как только узнали...

Карие глаза навывкате смотрели с преданным испугом, большие грязные руки, униженные перстнями, нервно комкали старую шапку.

– Чего тебе нужно? – строго спросил Ференц, удивленный тем, что цыган обращается только к Эржебете.

Цыганский барон склонил голову:

– Служить госпоже. Мы не знаем другой службы.

Ференц досадливо пожал плечами, спросил жену:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Эржебета смотрела на Джуру, которого никогда не видела, и в душе ее рождалось узнавание. Черный человек говорил, что так будет. Просто эти – первые...

– Возьми их, Ференц, – мягко попросила она. – В доме нужны музыканты. Кто будет встречать песнями великого Черного бая, когда он вернется с войны?

Муж усмехнулся, довольно подкрутил усы – Эржебета умела ему польстить. Что ж, он любил цыганские песни, да и среди знати нынче модно было держать в замках целые таборы.

– Пойдешь в музыканты, – бросил он. – Но смотри мне: чуть что – гайдуки мои со всего племени шкуры спустят!

Барон поднял на Эржебету глаза, молитвенно сложил руки:

– Благодарю, добрая госпожа... – потом, словно спохватившись, добавил: – и тебя, господин Надашди. Джура не подведет, Джура будет служить верно.

С той поры Чахтице наполнился гомоном и песнями – днем веселыми, по вечерам протяжными и дикими. Цыгане, к недовольству Оршоли и страху служанок, разбили шатры во дворе замка. Темноглазые, черноволосые, похожие на поджарых волков парни игриво поглядывали на белокурых девок.

Скоро начнут рождаться в Чахтице смуглые младенчики...

– Говорила же, лидерка наша молодая госпожа, – шептала Агнешка, в очередной раз вырвавшись из объятий особо ретивого цыганенка.

– Да почему ж так? – смеялась Пирошка, которой заигрывания музыкантов даже нравились.

– Цыгане – кровь Ердеха, и по доброй воле служат они только лидеркам. Видала, эти сами пришли. Откуда они узнали про госпожу?

– Да уж Батори и Надашди все Карпаты знают, – отвечала Пирошка. – Ты, подруга, просто обиду затаила на госпожу, за то что она тебя прибила. А ведь за дело прибила-то...

– Вот погоди, – окончательно разозлилась Агнешка. Сердито перекинула за спину толстую светлую косу. – Скоро высосет она у тебя всю кровь, тогда поглядим. Она вон сколько с господином миловалась, а так и не понесла.

– И что?

– Да то, что семя у ней проклятое! – оставив за собою последнее слово, Агнешка гордо выпрямилась и пошла в девичью.

Пирошка семенила следом, поеживалась. Страшно-то как... Вдруг подружка права?

О молодой графине говорили всякое. Одни рассказывали, что ночами она убегает в лес, перекидывается в черную кошку, поджидает заплутавших путников и высасывает у них кровь. Другие клялись, что видели, как Эржебета обращается в лунный луч и поднимается в небо. Находились и те, кто искренне верил, что госпожа – ожившая покойница.

Эржебета не знала, что шепчут о ней по углам. А если бы и услышала, вряд ли это задело бы ее. Сил не было ни на что. Она дико, люто, до боли в сердце тосковала по мужу и чахла без него.

Ференц, жизнь ее, душа ее, все время уходил. Туда, где нет места женщинам, где не нужна нежность. Где никакая любовь не могла защитить от ядра и клинка. Туда, откуда мог больше не вернуться...

Спасали только занятия алхимией и медициной. Уж в собственном-то замке Эржебета оборудовала лабораторию, где гнала странные, а иногда страшные зелья. Оршоля попробовала было сунуться, посмотреть, чем занимается невестка в подвале по полночи. Но Эржебета решительно захлопнула дверь перед ее носом. Сюда постылой свекрови вход был заказан.

Она много читала, ища способ справиться со своим недугом. Пыталась понять, отчего ей плохо, и почему не получается у них зачать. Ей хотелось родить Ференцу детей, чтобы Черный бей гордился большой семьей и всегда охотно возвращался в свой замок.

Но пока ни одно зелье не смогло вернуть ей здоровья. Ференц приходил – усталый, израненный, ожесточенный, уходил – успокоенный, любящий. А детей так и не случалось.

Так прошло полгода. Эржебете становилось все хуже. Она худела, сохла, черты лица ее заострились, в глазах горело лихорадочное пламя. Черный человек приходил теперь каждую ночь. Ложился рядом, требовал ласк. И говорил, говорил о будущем. Графиня отмахивалась, отталкивала демона, пыталась защититься. Но это не всегда удавалось, и она засыпала с ощущением греха.

Эржебета думала, лжет демон, нет никакого будущего. Тело и дух ее слабеют, и скоро она освободится от этого мира. Скорее бы.

Графиня полюбила уходить из замка, подальше от суетливой Оршоли. Бродила по окрестностям, поднималась по склонам, на которых росли виноградники. Гайдуки, приставленные охранять молодую госпожу, следовали на почтительном расстоянии, не смели попадаться ей на глаза – Эржебета предпочитала находиться в одиночестве.

Она никогда не заходила в деревни, крестьяне по-прежнему вызывали у нее безотчетный ужас и ненависть. Поэтому графиня не расставалась с плетью, которую пускала в ход, стоило кому-нибудь из черни встретиться с нею взглядом.

Особая ярость рождалась в душе Эржебеты при виде крестьянских девок. Толстые, задытые, они выглядели воплощением здоровья и безмятежности. Глядя в тупые краснощекие лица, слыша простой говор и грубый смех, графиня вспоминала сестер – изящных, прелестных, аристократичных. Им было столько же лет, сколько этим животным сейчас. Но эти, ничемные, топчут землю, Агата же с Каталиной гниют в ней.

И тогда казалось Эржебете, что эти – вот именно эти – девки живут жизни, которые были отведены ее сестрам. Ее охватывал безудержный гнев, и руки сводило судорогой от желания бить – да так, чтобы кровавой пеной покрывалась тугая белая плоть.

Когда накатывало такое, графиня издавала злобный ведьмовской визг, вытягивала плетью одну из напуганных девок, резко разворачивалась и шла к лесу. Только там, в чаще, под густыми кронами, на нее снисходило спокойствие. Она могла часами слушать птичий гомон или наблюдать за юркими белками. Эржебету не пугали ни волки, ни рыси. Разве могли они сравниться с человеком в мерзости и злобе? И дикие животные обходили ее стороною, чувствуя в графине слишком опасного хищника.

Однажды, сбежав от охраны, Эржебета долго пробиралась сквозь переплетение ветвей и вдруг поняла, что заблудилась. Смеркалось, воздух густел, напиваясь сыростью, издали доносился волчий вой.

Графиня не испытывала страха перед ночным лесом. Скорее, ее охватила досада – не хотелось ночевать на сыром мху. Она огляделась, пытаясь понять, в каком направлении находится замок. Вдруг взгляд уловил слабое мерцание за ветвями.

Гнилушки? Светляки? Или огонь? Эржебета осторожно выглянула из-за дерева и увидела поляну, на которой стояла старая, полуразвалившаяся хижина. Перед крыльцом горел костер, на нем грелся, исходя приятными запахами, котелок.

На крыльце сидела женщина, помешивала варево длинной ложкой. Вокруг лежали кошки – множество черных кошек. Десять, а может, больше. Поджав под себя лапы, жмурясь, смотрели на огонь, и в глазах их плясали искорки.

Мольфарка⁵, поняла Эржебета. Только они живут в диких лесах Карпат, только им преданно служат черные кошки.

Женщина бросила короткий взгляд на дерево, за которым пряталась Эржебета, спокойно произнесла:

– Выходи.

Графиня шагнула на поляну. Женщина гибким движением поднялась, подошла к гостье, взглянула ей прямо в лицо.

Лесная жительница была немолода, но все еще красива. Густая грива волнистых, с серебряными нитями, черных волос, зеленые глаза, смуглая кожа. Фигура женщины сохранила девичью стройность.

Увидев в лице Эржебеты что-то, понятное ей одной, мольфарка сказала:

– Ты Батори.

Графиня молча кивнула, вглядываясь в смутно знакомые черты и ощущая странное умиротворение. Она снова узнавала...

– Что ж, ты наконец пришла, – проговорила колдунья. – Я ждала тебя. Я Дарволия.

В замок Эржебета вернулась вместе с мольфаркой. Дарволия, к ужасу Оршоли, поселилась в комнатке возле покоев графини. Теперь по лестницам и залам Чахтице бродили черные кошки.

⁵ Мольфары – карпатские колдуны.

Глава 4

Владивосток, май 2012 года

Потолок был абсолютно белым – без единого пятнышка или трещинки. Гладкий, идеальный такой потолок. Я бездумно пялился на него, постепенно приходя в себя. Наконец сознание прояснилось достаточно, чтобы в мозгу забрезжили самые актуальные вопросы. Где я? И что вообще происходит?

Тут же за вопросами потянулись некоторые ответы. Я вспомнил драку с упырями, уroda в костюме химзащиты, чертову «куклу» в образе ангелочка с гранатометом...

Выходило, я не где-нибудь, а в самом логове упырей. Странно, что со мной не расправились прямо на месте – обычно они с охотниками не церемонятся. Ведь судя по нападениям в городе, киан-ши наплевали на перемирие.

Я осторожно пошевелился, ощутил, что руки скованы за спиной наручниками. Хорошо хоть, на ноги кандалов не надели. Креста на шее, конечно, не было, как и оружия, и молитвенника – упыри позаботились о своей безопасности.

Сел, огляделся. Просторная комната была пустой – не считая кушетки, на которую меня кто-то заботливо уложил, да большого плоского монитора на кронштейне, в углу под самым потолком.

Словно в ответ на мой взгляд, монитор озарился нежным голубоватым свечением. С экрана на меня смотрел старый китаец – сухощавый, с тонкой, как древний пергамент кожей. Узкие глаза смотрели из-под тяжелых век пронизательно-холодно, в зрачках то и дело вспыхивали желтоватые искорки. Гладко обритая голова китайца поблескивала отраженным светом, через плечо была перекинута тонкая косица, на груди лежала узкая и жидкая, но длинная борода. Старик был обряжен в серую мешковатую рубаху из грубого полотна. На плече его сидела замотанная в точно такую же ткань мартышка, мордочка которой неуловимо напоминала физиономию хозяина.

Старик растянул губы в подобии вежливой улыбки. Глаза при этом оставались ледяными. Обезьяна проделала то же самое, только вышло у нее более дружелюбно.

Я молча кивнул в ответ. Надо же, с чего бы такая честь? Меня удостоил аудиенцией сам мастер Чжан, глава клана киан-ши. Говорили, что даже подданные никогда не видели его в реальности, старик всегда связывался с ними через камеры.

– Рад видеть вас в моем доме, Иван, – раздалось из динамиков.

– Как поживают ваши нелюди? Кажется, штуки три мне все же удалось замочить? – я постарался вложить в голос как можно больше презрения.

Мартышка заскакала на плече хозяина и разразилась гневными воплями, мастер Чжан повел себя более сдержанно:

– Несколько убитых членов клана – невысокая плата за визит столь дорогого гостя.

– Как это трогательно, – нагло ухмыльнулся я. – Правда, прежде чем пригласить в гости, меня едва не разделали из гранатомета. Недоносок в памперсах – ваша идея?

– Оформлением «кукол» занимается Чонг, у него богатая фантазия, – отмахнулся мастер Чжан. – И это был лишь отвлекающий маневр. Поверьте, Иван: будь нам нужно убрать вас, «кукла» не промахнулась бы.

В его словах имелся некоторый резон. С другой стороны, события последних дней доказывали, что киан-ши больше не настроены проявлять лояльность к РПЦ.

Я молчал, ожидая, что будет дальше. Мастер Чжан сразу перешел к сути:

– Вы в полной безопасности. Мои слуги привезли вас сюда... скажем, для деловых переговоров. Сразу же после них вас отпустят.

Дело принимало интересный оборот. Только веры упырям у меня не было ни на грош. В данном случае, ни на юань.

– Хочу поговорить с вами по поводу происшествий в городе...

– А чего о них говорить? Это война.

– Мы не заинтересованы в войне, Иван.

– Тогда не следовало ее начинать.

Глава клана сложил руки перед собой, соединил кончики пальцев, поднес ко лбу, словно пытаюсь сосредоточиться. Мартышка сделала то же самое.

– Вам будет трудно в это поверить, Иван. Но клан Нетопырей не причем.

– Ну да, как мне вам не верить? Жаль только, тварь, которая убивает людей, почему-то похожа на летучую мышь. Но может, Нетопыри действительно не при делах, а над Владиком летает какой-нибудь чокнутый Бэтмен? Вы уж объясните, не стесняйтесь...

– Не ерничайте, Иван, – поморщился старик, и мартышка тут же скрючила плаксивую рожу. – Это существо – действительно киан-ши. Бывший, конечно. Только клан не виновен в его обращении.

– Ловко! – восхитился я. – У одного крыша съехала, а остальные не виноваты. У нас в таких случаях людей в психушку сажают, чтоб на прохожих не нападали...

– Поверьте, мы тоже изолируем тех, кто представляет опасность для общества. Не делай мы этого, все давно закончилось бы, как с кланом делла Торре.

Мастер Чжан принялся рассказывать какую-то совершенно дурацкую историю. С его слов выходило, что вот уже четыре года в клане пропадали упыри.

– Первым был Джанджи, – говорил он. – Мы искали его, бесполезно. Потом исчезли еще несколько киан-ши. А теперь появился зверь...

– Замечательная сказочка! Продайте ее Тарантино, что ли. Только мне впаривать не надо. Мартышка заверещала, отвернулась, задрала хвост и показала мне задницу.

– Я докажу, – сказал старик. – Ступайте за Чонгом, сами все увидите.

Экран мигнул и погас, дверь тут же распахнулась, и в комнату вошел тот самый упырь, который достал меня дротиком со снотворным.

– Добрый день, – поклонился он, не пряча злорадной ухмылки. – Как себя чувствуете? Спать не хочется? Тогда пойдёмте со мной.

Все, чего мне хотелось – это разнести ему башку серебряной пулей. Но ничего не поделаешь – пришлось идти вслед за дохлятиной.

Китаец бодро шагал по длинному коридору, время от времени забегаая на стены и пытаясь поразить меня танцевальными проходами по потолку. Азиат вел себя так, что я не сомневался: у этого скоро тоже случится разжижение мозгов, и он полетит жрать народ.

Для меня до сих пор оставалось загадкой: как РПЦ могла пойти на сделку с этими полубезумными тварями. Позволить им жить в городе – все равно, что заниматься дайвингом в стае белых акул. Может, конечно, пронесет, но вряд ли.

– Пришли.

Чонг привел меня к бронированной двери, по обе стороны которой замерли вооруженные упыри. Он что-то коротко бросил охране на китайском, достал электронный ключ, отпер дверь, сделал радушный жест:

– Би май гэст, куня...

За дверью оказалось небольшое помещение, отгороженное стеной из прозрачного материала.

С потолка комнаты свисало нечто, похожее на черный кожаный мешок. Присмотревшись, я понял, что передо мной гигантский нетопырь, укутавшийся собственными крыльями. Почувствовав мой взгляд, тварь сделала изящное сальто и приземлилась на пол.

Конечно, это был оголодавший, потерявший человеческий облик киан-ши – никакого сомнения. В его курносой морде странным образом сочетались черты человека и зверя. Тело тоже выглядело, словно над ним поработал сумасшедший экспериментатор: мощная грудь, согнутая широкая спина, руки, похожие на человеческие, заканчивались тремя скрюченными пальцами, вместо ног – кривые звериные лапы.

Мы долго смотрели друг на друга. Взгляд существа был оценивающим, как у хищника, который определяет, насколько серьезный отпор может дать жертва. И пожалуй, нетопырь находил меня опасным.

– Бу! – внезапно проорал Чонг, шлепнул ладонью по стеклу перед мордой существа и отскочил, довольно заржав.

Оскорбленная таким обращением тварь оскалилась, завопила и бросилась на стену. Она билась о прозрачную преграду, пытаясь добраться до меня, и орала при этом так, что уши закладывало. Нетопырь напомнил мне существо, которое я нашел в подвале Харитоновского дома. Такой же безмозглый, бесконечно агрессивный, вечно голодный вурдалак. Не знаю уж, для какой радости Харитонов держал его у себя. Мне пришлось избавиться от уродца. Не могу сказать, что этот факт меня расстроил.

Придурковатый китаец радостно хихикал. Наконец нетопырь устал и немного успокоился. Зато в углу коридора ожил еще один монитор.

– Ты испытываешь мое терпение, Чонг, – укоризненно сказал мастер Чжан. – Ты плохо ведешь себя с гостем.

Он добавил еще что-то на китайском, а мартышка погрозила тощей лапкой. Чонг скрючился в подобострастном поклоне, словно сделался меньше ростом, и отошел, стараясь быть как можно незаметнее.

– Вы убедились, Иван?

Я пожал плечами:

– Пока убедился только в том, что один из киан-ши превратился в опасного зверя и убил нескольких человек, а вы его укрываете.

Старик покачал головой:

– Джанджи не убивал тех людей. Вернее... он убил, но других.

Замечательно. Просто праздник какой-то... сколько же у них убийц, и сколько народу они уже перекрошили?

– Это было месяц назад, – пояснил мастер Чжан. – К счастью, жертвами стали всего лишь таджикские гастарбайтеры. Их никто не искал. Моя служба внутренней безопасности оказалась на высоте. Трупы спрятали, Джанджи поймали и привезли сюда.

– Но вы подтверждаете, что это ваш подданный, и он чокнулся? Я всегда говорил: упырей надо уничтожать, пока у них крыша не съехала...

– Но нашей вины здесь нет. Прислушайтесь к логике! Мы сами не заинтересованы в войне. Нас устраивает жизнь во Владивостоке. Кто-то похитил Джанджи, сделал его таким. Мы ждали, что он придет в себя, но нет – человеческий облик утрачен безвозвратно. Тогда, два года назад, я предполагал, что моих подданных похищают делла Торре. Но их клан давно уже убрался из города, а киан-ши продолжают пропадать...

Этот монолог начал утомлять, и я бесцеремонно перебил:

– От меня чего надо?

– Помощи, – твердо сказал мастер Чжан, и обезьяна умоляюще сложила лапки, уставилась на меня печальным взглядом рахитичного ребенка. – Конечно, мы могли бы разобраться и сами. Но последние события грозят войной с церковью. Нам это не нужно, мы хотим жить в мире. Думаю, святые отцы тоже. Но подозреваю, что есть кто-то, кто желает столкнуть нас лбами. Знаете, как у нас говорят: если два тигра дерутся в долине, заберись на дерево и подожди, когда они уьют друг друга...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.